ФАНТАСТИКА
КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПАОЛО БАЧИГАЛУПИ

АЛХИМИК

КОМУ НУЖНЫ ЗВЕРИ, ЕСЛИ МОЖНО ЕСТЬ КАМНИ?

Фантастика: классика и современность

Паоло Бачигалупи

Алхимик (сборник)

«АСТ»
2008, 2010

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Бачигалупи П.

Алхимик (сборник) / П. Бачигалупи — «АСТ», 2008, 2010 — (Фантастика: классика и современность)

ISBN 978-5-17-092576-6

Паоло Бачигалупи – писатель, дебютировавший в фантастике в 1999 году и немедленно обративший на себя внимание таких мэтров жанра, как Харлан Эллисон и Гарднер Дозуа. Его рассказ «Девочка-флейта», вышедший в финал премии Теодора Старджона, включили в свои антологии сразу три редактора. С тех пор начинающий автор получил 13 премий, среди которых такие престижные, как «Хьюго», «Небьюла» и 4 «Локуса». Ярый защитник экологии и приверженец восточной культуры, Бачигалупи сочетает в своих произведениях экзотику дальних стран с развенчанием безжалостных механизмов разрушения природного равновесия. В сборник вошли роман «Алхимик», поднимающий проблему разрушительной стороны прогресса, и рассказы, рисующие мрачные картины будущего, в котором человечеству отведена роль пассивного наблюдателя за собственной деградацией.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-092576-6

© Бачигалупи П., 2008, 2010
© АСТ, 2008, 2010

Содержание

Алхимик 6
1 6
2 9
3 13
4 18
5 29
6 35
7 44
Помпа номер шесть 47
Полный карман дхармы 47
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Паоло Бачигалупи
Алхимик (сборник)

Paolo Bacigalupi
THE ALCHEMIST
PUMP SIX AND OTHER STORIES
Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.
© Paolo Bacigalupi, 2008, 2010
© Перевод. К. Егорова, 2017
© Перевод. М. Левин, 2017
© Перевод. В. Гольдич, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Алхимик

1

Трудное это дело – продавать соседу свою последнюю кровать. Еще того хуже – если твое единственное дитя цепляется за ее раму, как обезьянка-паук, а попробуй отцепить – вопит так, будто ты ей ручонки отрубаешь топором.

Нетерпеливо переминались четверо алаканцев, голодные и радостные, что заработают своими мышцами пару-тройку медяков. Недовольно стояла Лизка Шарма, сверкая бриллиантовой роскошью юбок. Она пришла лично проследить, чтобы четырехстолбовую кровать вынесли осторожно, не повредив.

А кровать-то массивная! Что смешно – для ребенка. Ручкам и ножкам Джайалы нет никакой необходимости раскидываться на таком просторе. Но рама изукрашена изображениями парящих дворцов Джандпары, облачные драконы древних времен обвивают опорные столбы до самого балдахина, где деревянные когти держат свернутые сетки и раскрываются с медным щелчком искусно сделанные зажимы, выпуская в часы жары разворачивающиеся вниз москитные сетки. Красивая кровать, роскошное ложе. Пронизанная жизненной силой утраченной славы Джандпары. Антикварная вещь, сделанная из мелкозернистой красной древесины – соколиного дерева, давным-давно изведенного терновником, – и потому ценная втройне.

Ее продажа будет нас кормить целый месяц.

Но для Джайалы, шестилетней и очень привязчивой, на глазах у которой вся наша мебель исчезала по одному предмету, это целая трагедия.

Она была свидетельницей того, как испарились наши слуги и нянюшки, будто шипящие капли на раскаленной решетке. Как сворачивались драпри, скатывались и выносились на спинах алаканцев ковры, будто связки колбас, двигались цепочки людей по нашим мраморным полам. И кровать – это уже чересчур.

В коридорах эхом отдавались шаги нас, немногих оставшихся в доме. Не звучала в портиках музыка нашего фортепьяно, и тепло в здании можно было найти лишь в сернистой вони моей лаборатории, где еще горел последний одинокий огонь.

Для Джайалы исчезновение просторной и прекрасной кровати было последним шансом на сопротивление.

– НЕЕЕЕТ!

Я пытался ее улестить, потом оттащить. Но она заметно выросла со времен младенчества, а отчаяние придавало ребенку сил. Я оторвал ее от матраса, она схватилась за мощный столб, обвила руками, вцепилась накрепко. Прижимаясь щекой к чешуе облачного дракона, она снова заорала:

– НЕЕЕЕТ!

От ее визга могло разлететься стекло. Все, находившиеся в комнате, закрыли уши.

– НЕЕЕЕТ!

– Джайала, ну пожалуйста! – умолял я. – Я тебе новую куплю. Как только у нас появятся деньги.

– Не хочу я новую! – визжала она. – Я эту хочу!

По покрасневшему лицу текли слезы.

Я дергал ее, краснея под осуждающим взглядом госпожи Лизки и стоящих за ее спиной рабочих. Лизка мне нравилась, а сейчас она увидела меня в самом невыгодном свете. Будто

мало того, что дом пуст, будто и без того продажа последней вещи моей дочери не унижала меня до крайности, так мне еще приходится унижаться перед ребенком.

– Джайала, это ведь ненадолго! И она будет рядом, у госпожи Лизки. Сможешь ее навестить, если захочешь. – Я глянул на Лизку, отчаянно надеясь, что та не станет возражать. – Буквально в соседнем доме.

– Я не буду спать в соседнем доме! Она моя! Ты все продал! У нас ничего нет! Она моя!!

Вопли Джайалы взлетели на октаву выше, крики стали перебиваться мучительным кашлем, а я все пытался оторвать ее руки от кровати.

– Я тебе новую куплю! Такую, что принцессе впору.

Но она только завизжала громче.

Рабочие зажимали руками уши, чтобы не слышать этих воплей грифона. Я оглядывался, отчаянно ища решения, отчаянно желая остановить кашель, что она навлекла своей истерикой.

Дурак. Какой же я дурак! Надо было попросить Пайлу увести ее, а потом сказать рабочим, чтобы прокрались тихо, как воры. Я оглядел комнату, лица рабочих и очень удивился. В отличие от Лизки, воплощенного раздражения, они ничего такого не выражали.

Ни нетерпения.

Ни гнева.

Ни злости.

Ни превосходства или презрения.

Одну лишь жалость.

Эти работяги-беженцы, пришедшие из-за реки из Малого Каима ради грошового заработка, жалели меня. На сгорбленных плечах грязные рубахи, из разбитых кожаных башмаков видны обмороженные ноги, покрытые коркой грязи, – и они меня жалели!

Они бежали из своего города, потеряв все, жалкие пожитки, увязанные в тряпье, постукивали на их спинах, собаки и детвора, мокроносые и хнычущие, путались под ногами. Пена реки беженцев хлынула из Алакана, когда мэр и магистры признали, что город не удержать и надо, по сути говоря, отходить, и быстро, чтобы спастись от наступления терновника.

Алаканцы, люди, потерявшие все, смотрели на меня с жалостью. И я взбесился.

Я заорал на Джайалу:

– Так что мне прикажешь делать? Дать вам подыхать с голоду? Прекратить кормить тебя и Пайлу? Сидеть на соломе и всю зиму грызть мышиные кости, лишь бы у тебя осталась кровать соколиного дерева?

Конечно, она только громче завопила – но теперь уже от страха. А я все кричал на нее, повышал голос, рычал, будто дикий зверь, стараясь напугать, подавить, коли перехитрить не получилось. Своим ростом и силой сокрушить ее – такую маленькую и отчаявшуюся.

– Замолчи! – орал я. – У нас ничего нет, понимаешь? Ничего! Выбирать не приходится!

Джайала сжалась несчастным всхлипывающим комочком, плач перешел в глубокий кашель, который напугал меня еще больше, потому что придется произнести заклинание, чтобы его унять. Что я ни делаю – все к худшему.

Воля к сопротивлению оставила Джайалу. Я отцепил девочку от кровати.

Лизка махнула алаканцам, и они стали разбирать огромную конструкцию.

Я крепко прижимал Джайалу к себе, чувствуя, как она дрожит и рыдает, все еще вслух, но уже не отбивается. Я сломил ее волю. Мерзкое решение, еще сильнее отдалившее нас от того образа, какой нам положено иметь в глазах Трех Лиц Мары. Не отец и дочь, не защитник и священная для него подопечная, – чудовище и его жертва. Я прижимал к себе свое дитя, злясь на весь мир за то, что сейчас произошло между нами. На себя, что наорал на нее. На нее, что довела меня до этого.

А больше всего все-таки на себя, поставившего нас всех в такое положение.

Это была настоящая болезнь, и я втянул себя и своих близких в опасность и нужду. Когда-то наш дом был прекрасен! В те славные дни, когда жива еще была Мерали, я делал медные котлы для богатых домов, изощренные металлические и стеклянные зеркала с причудливой инкрустацией. Выдувал большие бокалы для здоровенных усатых купцов, чтобы пили из них, заключив сделку. Гравировал на вазах Три Лица Мары: женщина, мужчина и дитя, кружащиеся в танце. Вытравливал узоры с облачными драконами и парящими дворцами. Отливал грифонов из золота, бронзы и меди. Вырезал сцены охоты на лосей и единорогов в мачтовых соколиных лесах востока и скульптурные изображения ста тридцати трех арок знаменитого побережья Джандпары. Мое ремесло покоилось на ностальгических грезах о многих утраченных чудесах империи.

И мы были богаты.

А теперь не украшения для знатных домов, а странные приспособления стоят, булькают и звякают в моей лаборатории, и ни одно из них не предназначено на продажу. Кривые медные трубки, извивающиеся, будто щупальца кракена. Наши исхудавшие лица отражаются в латунных раструбах сопел. Стеклянные пузыри светятся синим от эфирных тычинок цветка лоры, который можно сорвать только в летних сумерках, когда светляки манят янтарными угольками брюшек, вынуждая их раскрыться, и спариваются на их атласных лепестках.

И день-деньской и всю ночь шипит и дымится моя лаборатория сернистыми остатками терновника.

Через кишки аппаратуры проползают горелые ветви, семена и наводящие сонливость шипы. Забросив бесчисленные грезы Джандпары, я работаю с ее единственным кошмаром – растением, что уничтожило империю и сейчас грозит уничтожить всех нас. Наш дом день и ночь смердит горелым терновником и выхлопами моего балантхаста. Вот истинная причина того, что моя дочь так отчаянно защищала свою кровать соколиного дерева.

А вина моя, не девочки. Пятнадцать лет я разорял нас каждым принятым решением. Джайала слишком молода и не может даже представить, как выглядело наше хозяйство в его поистине славные дни. Она родилась слишком поздно: не видела цветущего сада роз и люпиновых клумб, не помнит, как полнились коридоры смехом и голосами слуг, когда с нами жили Пайла, Саэма, и Траз, и Ниаз, и Ромара, и… еще какая-то прислуга, чьи имена забыл даже я, и все углы чисто выметены, и по полу не пробежит ни одна мышь. И вина – только моя.

Я прижимал к груди плачущее дитя, зная: она права, а я виноват, но все равно не мешал госпоже Лизке и ее алаканским рабочим разобрать кровать и вынести по частям, и наконец мы остались одни в пустой и холодной мраморной комнате.

У меня не оставалось выбора. Или, точнее, я лишил выбора нас всех. Я зашел слишком далеко, и обстоятельства готовы были нас похоронить.

2

После того как я продал кровать, Джайала несколько дней меня сторонилась. Выходила и пропадала где-то часами. Дулась, ко мне не подходила и, казалось, согласна была дать мне выкупить у нее прощение печеньем с сиропом из Сахарного переулка. Она пропадала на мощеных улицах Каима, и я использовал это спокойное время для работы.

Денег от продажи кровати, пусть даже она была баснословно редким произведением искусства, пусть даже сделали ее из соколиного дерева, которое уже больше пятидесяти лет невозможно добыть, потому что поросль терновника поглотила этот мачтовый лес, хватило все же на столько времени, на сколько хватило. И когда они кончились, вариантов у меня не осталось.

Ощущение было такое, будто меня заперли в знаменитой комнате пыток магистра Хализака, который любил с помощью магии заточать жертв в замкнутую камеру, без двери или окна, и медленно читать заклинания, сжимающие комнату размером со слона до размеров мыши. Говорят, что Хализаку невероятное удовольствие доставляли крики жертв. И когда тюрьма сжималась так, что человек не мог больше этого вынести, Хализак под эту каменную коробочку подставлял кубок, собирал сок погибающего врага и пил за свое здоровье и долголетие.

Я был к этому близок. Ловушка Хализака смыкалась вокруг меня, но я, в отличие от жертв Хализака, высмотрел дверь. Щель в стене сжимающейся тюрьмы. Мы не окажемся без дома! Нам с Джайалой не придется перебираться за реку в Малый Каим и жить с беженцами от терновой напасти.

Я стану героем, которого будут почитать веками. Еще чуть-чуть – и стану героем.

И вновь зарядил балантхаст.

Пайла, верная моя служанка, смотрела издали, стоя рядом с камином. Когда-то она была смешливой девчонкой, но давно превратилась во взрослую женщину и сейчас смотрела на меня, склонив голову набок, и лицо ее было задумчиво, будто я сошел с ума. Она принесла последние детали моего переделанного устройства, и лаборатория превратилась в обновленный хаос медных гвоздей, крепежа и железных опилок. Мусор вдохновения.

Я улыбнулся Пайле:

– На сей раз получится, – сказал я.

Воздух заполнила резкая вонь горелой мелии и мяты. В стеклянной камере наверху балантхаста лежали несколько веточек мяты и лавра, цветок лоры и деревянные стружки мелии.

Я зажег спичку, вспыхнуло пламя. Вот сейчас. Никогда еще я не был так близок к цели. Но Пайле случалось видеть другие неудачи…

Мои приготовления прервал мощный стук в дверь. Я в раздражении повернулся.

– Иди открой, – сказал я Пайле. – Скажи им, что я занят.

Я приготовился поджечь балантхаст, но мою руку остановило предчувствие, и я прислушался. Прошла секунда – и по коридорам эхом разнесся вопль, вопль страдания и утраты. Уронив спичку, я бросился к двери.

На пороге стоял мясник Фалзи, держа в могучих ручищах мою Джайалу. Девочка обмякла, голова безвольно болталась.

– Нашел в терновнике, – сказал он. – Глубоко. Пришлось крюк пускать в ход, плети над ней смыкались. – Мы с Пайлой потянулись к ней, но Фалзи от нас отступил:

– Вы не так одеты.

И правда: его кожаная блуза и передник были покрыты бледными нитями волосков терновника, подергивающимися, как зловещие черви. Несколько штук уже опасны, а тело Джайалы будто покрывал белый мех.

Я смотрел в ужасе.

– Но что она там делала? – Джайала достаточно знала о терновнике из моей собственной работы, чтобы избегать его манящих плетей. – Она даже рядом не должна была быть!

– Уличные дети собирают… – Фалзи отвернулся, поняв, какую сказал бестактность, но продолжал: – Мэр предлагает награду за собранные в городе семена терновника. Чтобы предотвратить распространение, медяк за мешок. Выгоднее, чем ловить крыс. И некоторые дети… если сильно проголодаются, идут в большие заросли за городом и поджигают их. А потом собирают семена, когда лопаются стручки.

– В лабораторию, – велел я. – Быстро!

Фалзи легко пронес маленькое тело Джайалы и положил ее на камни возле очага.

– Что будете делать? – спросил Фалзи. – Яд уже внутри.

Я мотнул головой, щеткой стряхнул нити терновника, цепляющиеся за девочку. От них на коже осталось покраснение. Яд и сон циркулировали в ее маленьком теле. Очистив место на горле, я прижал пальцами пульс, нащупывая сердечное эхо.

Медленно. Очень-очень медленно.

– У меня есть снадобья, которые могут помочь. Уходите. Спасибо. Только уходите!

Фалзи прощальным жестом прижал руку к сердцу, покачал головой и оставил нас.

– Пайла, закрой двери, – сказал я. – И окна.

– Но…

– Делай что сказано! И сама не входи. Двери запри.

Когда я впервые задумался над способом убить терновник, это случилось потому, что я заметил: он никогда не растет вокруг медных копей Кеша. Даже когда пал Алакан и земледельцы отступили перед ползучей линией зарослей, медные копи остались чистыми.

Конечно, со временем стало невозможным до них добраться. Терновник окружил этот странный остров иммунитета и продолжил долгий марш на запад, в Алакан. Тонкую ниточку дороги, что вела через терновый лес к медным копям, стало невозможно защитить.

Но медные рудники оставались безопасными еще долгое время после того, как все остальное было поглощено. Этот феномен я заметил, блуждая в поисках новых материалов для своей работы. Кешийская медь шла на красивые урны, которые пользовались большим спросом, так что я часто совершал подобные выходы. Помню, как аккуратно пробирался по длинному туннелю в терновнике, пока рабочие еще старались держать открытой дорогу к копям. Вспомнил лицо рабочего, в поту и в копоти от бесконечных рубок и поджогов, кожаные меха и медные горелки, постоянно горящие и дымящиеся, разбрызгивающие пылающую пасту на ядовитые растения.

И медные копи, открывшие передо мной свои недра. Глубокие ямы и траншеи – работа шахтеров, но еще и поляны и деревья: вокруг терновник стоял стеной, а внутри – ни одной ветки. Оазис.

Некоторые магистры и ученые тоже заметили уникальные свойства кешийских медных копей, но когда все уже искали причины этого явления, волна терновника затопила округу, и вскоре уже никому было не прорубиться к изолированному хранилищу шахтерских инструментов и прудам с отходами.

Конечно, народ усиленно экспериментировал.

Несколько человек придумали вбивать медь в дороги или делать медные ножи, чтобы прорубаться сквозь терновник, считая этот металл панацеей от ползучей напасти. И некоторые уже уверенно его так называли. Одно время очень хорошо расходились медные аму-

леты. Должен признать, что поставлял на рынок подобные безделушки, отливал амулеты и чеканил тонкие урны, чтобы отпугнуть нашествие. Но вскоре обнаружилось, что на меди терновник укореняется не хуже, чем на вспаханном поле крестьянина или в извести мощных стен Алакана. Гранит лучше защищал от этого растения, но даже он в конце концов давал терновнику укорениться.

И все-таки кешийские медные копи не шли у меня из головы – как они держатся там, в глухом терновом лесу? Залог спасения – если только разгадать загадку. И сейчас, по памяти, я попытался реконструировать условия Кеша в собственной лаборатории, играя с естественным взаимодействием флоры и руды, нащупывая единственную формулу, призванную остановить победный марш смертоносных зарослей.

За Пайлой закрылась дверь. Я снова пощупал пульс Джайалы – он почти затих. Побеги терновника любят пускать в ход профессиональные убийцы и отвергнутые любовницы. Яд вызывает необоримый сон, постепенно уступающий более глубокой тьме. Он сжимает сердце и замедляет его биение, пока кровь не начинает ползти холодным сиропом и в конце концов останавливается полностью. Тело иногда сохраняется годами, пока крысы, мыши и мухи не проникают вглубь и не разрушают его изнутри.

Сейчас ядовитые щупальца терновника густо покрывали кожу Джайалы. Взяв медный стержень, я провел им по ее рукам. Потом коснулся ее тела мятой. Медным пинцетом стал обирать нити с ее кожи и складывать в керамическую чашу, поставленную рядом, чтобы случайно не дотронуться до них. Работал я быстро, как только мог, и понимал, что все равно не успеваю. Их было слишком много – десятки и сотни. Еще больше нитей покрывали ее одежду, но это не важно, важно, что они затянули кожу. Чересчур много, и все же я их обирал.

У Джайалы затрепетали веки. Она взглянула из-под тяжелых ресниц; темные глаза помутнели под действием яда.

– У меня хватит? – спросила она невнятно.

– Чего хватит, деточка?

Я продолжал снимать нити с ее кожи.

– Семян… выкупить мою кровать.

Я попытался ответить, но слов не было. Сердце будто сдавило тюрьмой Хализака, выжало досуха и умертвило.

Глаза Джайалы закрылись, погружая девочку в вечный сон. Я отчаянно пытался нащупать эхо ее сердца. Медленный удар под пальцами, застывающий сахарный сироп. Еще удар. Гуще. Холоднее. Слабеющий зов сердца. Пауза еще длиннее, и после нее…

Ничего.

Меня качнуло прочь от умирающей дочери. Невыносимое ощущение потери.

Балантхаст лежал рядом, готовый к использованию, во всех его трубках булькала смесь. В отчаянии я схватил его и подтащил к умирающей девочке. Нацелил огромный раструб на неподвижное тело. Слезы застилали глаза. Я чиркнул спичкой, и…

Остановился.

Не знаю, почему это пришло на ум. Говорят, что Три Лица Мары приходят к нам и внушают мудрость в час нужды. Что из истинного отчаяния рождается вдохновение, и тогда открываются тайны мира. Не знаю. Несомненно лишь то, что Мара – семя жизни и надежды.

Я склонился к Джайале и выдернул волосок из ее головы. Привязка, желаемое, цель… не знаю, что, но мне вдруг отчаянно понадобилось, чтобы что-то от моей девочки было в работающем балантхасте, и от терна тоже. Вместе с мелией и мятой…

Я поместил волос в камеру сгорания и чиркнул спичкой. В камере взметнулось пламя, сжигая мелию и мяту, терновник и волос Джайалы, дымясь и пылая, и все это соединилось в горении. Я взмолился к Трем Лицам Мары о милости и повернул диск балантхаста. Прибор

всосал горящие угольки волос, извивающиеся нити терновника и все прочие ингредиенты в камеру своего брюха.

Какой-то миг ничего не происходило. Потом из раструба вырвалось синее пламя и окутало Джайалу.

Папа, проснись.
Проснись.
Про.
Снись.

Смутные гулкие слова, шорохи, толчки.

Папа, проснись.
Папа?
Папа. Пананананана.
Я открыл глаза.

Надо мной склонилась Джайала, облако черных волос, худые коричневые руки и ноги, синие юбки. Размытая, эфирная. Просвечивающая насквозь в окружающем ее свете. Дух из Зала Суда. Она ждет, пока Судья Борзай возьмет ее шестью своими руками, всмотрится в душу и передаст в Зал Детей, где невинные души живут под оберегающим надзором собакоголового Кемаза.

Я попытался сесть, не смог. Лег снова. Создание-дух осталось, продолжая меня дергать. В лаборатории царил хаос, все колебалось, будто зижделось на облаке.

Значит, все мы умерли.

– Папа?

Я обернулся на гулкий голос. Всмотрелся. Еще раз оглядел разгромленную лабораторию. В спину упиралось что-то холодное и твердое. Вполне материальное.

Я медленно поднялся, привалился к каменной стене. Лежал я у противоположного камину конца комнаты. Рядом со мной валялся балантхаст, стеклянные камеры разбиты, вакуумные емкости в пропаянных гнездах ощерились зубами осколков. Вокруг блестели гнутые медные трубки, как лепестки, разбросанные перед Марой в праздник посадки.

– Папа, что с тобой? – Джайала склонилась надо мной с тревогой и заботой. – У тебя голова в крови.

Я поднял руку, коснулся встревоженного личика. Теплая. Живая. Совсем не дух.

Живая, невредимая! Кожа дымится желтыми остатками горелого терна. Ее покрывала почерневшая зола лиан, волосы наполовину расплавились, все еще подергиваясь в смертных судорогах нитей терновника. Обгорелая, обожженная, в волдырях, но цела и невероятным образом жива.

Я провел рукой по обожженной щеке, зачарованный невероятным чудом.

– Папа?

– Все хорошо, Джайала. – Я начал смеяться. – Лучше, чем хорошо!

Прижав ее к себе, я всхлипнул, благодаря Мару за спасение моей дочери. За обремененную казнь моей души.

А помимо этого – другая мысль, огромная надежда. Впервые за все время моих экспериментов терновник умер по-настоящему, не оставив даже последствий своего яда.

Пятнадцать лет – не такой уж долгий срок, если ищешь способ спасти мир.

3

Конечно, ничего не происходит так просто, как хотелось бы.

После этого первого небывалого успеха я выдал потрясающую серию неудач, едва не взорвав дом. И плюс к моим волнениям – хотя Джайала выжила после встречи с терновником, кашель у нее стал намного хуже. Его усугубила зимняя сырость, и сейчас девочка целый день кашляла и тряслась, будто маленькие легкие хотели схлопнуться совсем.

Она слишком маленькая, чтобы помнить, как нехорош был кашель раньше – как он меня беспокоил. Но после отравления терновником кровь начала выступать у нее на губах – краснота легких выталкивалась тем злом, что сотворила над ее телом отрава, стараясь погрузить девочку в вечный сон.

Я, сколько мог, избегал применения магии, но кашель у Джайалы усиливался, становился глубже. И магия требовалась очень небольшая, только чтобы сохранить ей жизнь. Закрыть очаги у нее в легких и прекратить появление крови на губах. Может быть, в результате на поле какого-нибудь крестьянина вылезет побег терновника, оплодотворенный силой, выпущенной в эфир, однако же – крохотное магическое усилие, и слишком велика нужда Джайалы, чтобы оставить ее без внимания.

Зима всегда была самым худшим временем. Каим не похож на северные земли, где мороз убивает все растения, кроме терновника, заметает землю холодными сугробами и укрывает лепным льдом. Но все равно холод грыз Джайалу, и я чуть-чуть отвлекся от своей алхимии и совершенствования балантхаста, чтобы кое-что в нем улучшить.

Наша тайна.

Даже Пайла не знала. Никому не дано было знать, кроме нас.

Мы с Джайалой сидели в углу моей лаборатории, посреди одеял, на которых она теперь спала у очага, – единственная оставшаяся у меня теплая комната, и я по записям из книги магистра Аруна творил магию.

Перо его было ясно, хотя сам магистр давно расстался с жизнью под топором палача. Мысли его лежали на пергаменте, дружеская рука тянулась ко мне сквозь время. Чудо чернил перенесло его прошлое в наше будущее. Розмарин, цветок пканы, корень солодки и густые текучие сливки козьего молока. Желтые лепестки пканы, смешанные с прочими составляющими, потрескивали, как огонь, соприкасаясь с молоком, и вверх восходил дым грез.

И я безымянным пальцем, давно отвыкшим от трех брачных колец, нанес эту пасту на лоб Джайалы, между густыми темными бровями. Потом, спустив на ней рубашку, еще полоску, посередине между легкими. Желтая метка пканы заиграла на ее груди, будто огонек костра.

Исполняя эту небольшую магию, я представлял себе великих магистров Джандпары, исцеляющих толпы, собравшиеся под арками их балконов. Говорят, что люди приходили за много миль. В те времена магию использовали повсеместно.

– Папа, нельзя, – прошептала Джайала.

Ее снова потряс кашель, согнув и бросив вперед, спустившись до самых глубин и сжав легкие, как силач сжимает гранат и смотрит, как течет по пальцам красная кровь.

– Можно и нужно, – ответил я. – Теперь тихо.

– Тебя поймают. Запах…

– Тсс!

И я прочел заклинание магистра Аруна, произнес звуки древнего языка, который никто не в состоянии вспомнить с тех пор, как он отзвучал. Согласные жгли язык, рождавший эти слова силы. Силы древних. Мечты Джандпары.

Помещение наполнилось серным запахом магии, и круглые гласные исцеления покатились у меня с языка, крутясь, как шестеренки, находя свои цели в желтой мази моих пальцев.

Магия врылась в Джайалу – и пропала. Паста цветов пканы приобрела зеленоватый оттенок, выдохшись, и помещение наполнилось дымом освобожденной силы. Поразительная сила, живущая всюду вокруг нас, и требуется лишь небольшое усилие, всего-то несколько слов, чтобы привязать ее к себе. Магия. Власть совершить что угодно. И даже уничтожить целую империю.

Я приоткрыл ставни, выглянув на темную мощеную улицу. Она была пуста, и я быстро проветрил комнату от вони магии.

– Папа! А что, если тебя поймают?

– Не поймают, – улыбнулся я. – Очень небольшая была магия. Не то что большой мост построить. Даже не заклинание плодородия. У тебя в легких были небольшие ранки. Никто ничего не узнает. А скоро я доработаю балантхаст. И ни один человек никогда не возразит против этой мелкой магии. И все будет хорошо.

– Говорят, что палач иногда промахивается – не разваливает человека пополам из милосердия, а рубит, нанося несколько ударов. А мэр ему приплачивает – чтобы неповадно было пользоваться магией.

– Это неправда.

– Я сама видела.

– Не может такого быть.

– На прошлой неделе, на золотом рынке. Прямо на площади. Мы там ходили с Пайлой, и толпа была такая плотная, что мы не могли пошевелиться. Пайла мне прикрыла глаза рукой, но я видела между ее пальцами. Палач бил, бил и бил, бил и бил, и человек орал громко-громко, а потом перестал, но все равно он плохо работал. Дама из свиного ряда сказала, грязно работал. Сказала, что она своих свиней лучше разделывает.

Я заставил себя улыбнуться:

– Это не наша проблема. Понемножку магией занимаются все, никому до нас дела нет. Если мы никому ее в нос тыкать не будем.

– Я не хочу, чтобы тебя рубили, и рубили, и рубили.

– Тогда аккуратно пей настой солодки, что дает тебе Пайла, и не вылезай на холод. Хранить тайны – работа не из легких. Но лучше, если их знают только двое. – Я коснулся ее лба. – Ты и я.

Я тронул свой ус:

– Дерни на счастье?

Но она не стала: понятно, я ее не успокоил.

Через месяц, когда грязные ковры жесткого весеннего снега сменились сладковатой вонью мокрой согревающейся земли, я окончательно настроил балантхаст и напустил его на стену терновника.

Из города мы вышли ночью и побрели по грунтовым дорогам – Джайала, Пайла и я. Балантхаст был привязан у меня за спиной. В темноте, окутавшей землю, женщинам из терновых бригад с топорами и огнем делать было нечего, и дети, которые ровными рядами подбирали за ними семена, оставили свое занятие. Хорошо – никаких свидетелей. Ночь была холодна и неуютна. Факелы мы держали высоко.

К моему большому удивлению, до терновой стены пришлось идти всего два часа.

– Сдвинулась, – пробормотал я.

Пайла кивнула:

– Торговки, что картошку продают, говорили, что мы еще поля потеряли. На некоторых даже урожай убрать не успели.

Терновник нависал над нами переплетенной многослойной грядой – передний край непроходимого леса, что тянется всю дорогу до легендарной Джандпары. В свете факелов от лиан падали причудливые голодные тени, будто рвущиеся затянуть нас в навевающие сон объятия. Я ткнул факелом в переплетение ветвей. Затрещали, сворачиваясь, усики, несколько стручков, жирных, как молочай, треснули, разбрасывая семена по земле.

Там, где чистили и жгли терновые бригады, виднелась лишь нежная зеленая поросль, но глубоко внутри терновник становился древовидным, непроницаемым, толстым. Блестели в свете факелов острые шипы, но куда опаснее были тоненькие волоски, поблескивающие повсюду, покрывающие каждую плеть, – ядовитые щупальца, от которых едва не умерла Джайала.

Я перевел дыхание, нервничая в присутствии нашего неумолимого врага.

– Ну? – сказала Пайла. – Ты хотел показать нам.

Вера моя пошатнулась. Одно дело – небольшие опыты в лаборатории, но в природе? На глазах дочери и Пайлы? Я выругал себя за гордыню. Надо было сперва испытать балантхаст в одиночку. А не так, чтобы неудача дала повод для насмешек или жалости.

– Ну? – повторила Пайла.

– Да, – ответил я. – Да. Сейчас начнем.

Но продолжал медлить.

Пайла взглянула на меня с отвращением и начала раскладывать треногу соколиного дерева. С годами, в течение которых уменьшалось ее жалованье и прирастали обязанности, она стала дерзкой. Совсем не та стеснительная девушка, какой она впервые появилась в нашем доме. Сейчас у нее слишком много власти и чересчур скептический взгляд. Иногда я подозреваю, что бросил бы эксперименты уже много лет назад, если бы не Пайла, глядящая на меня с молчаливым осуждением. Сам себе легко простишь, если сдашься, но очень неловко сдаваться на глазах у человека, который видел, сколько сил и средств вложено в неопределенное будущее. Это был бы невыносимый стыд.

– Ага, – буркнул я про себя. – Конечно.

Отвязал со спины балантхаст. Поставил его на треногу, закрепил. После первого шумного успеха я сумел смягчить большую часть взрывной реакции балантхаста, отведя ее рядами заново сработанных дымовых труб, пыхающих, как ноздри облачного дракона. Теперь он держался прочно, не переворачивался и не швырял человека через всю комнату, избитого и оглушенного. Пригнувшись, я проверил, что тренога на сырой земле установлена достаточно прочно.

Если честно, то треногу можно было бы сделать из чего угодно, и уж точно без подобного расточительства. Но мне нравится соколиное дерево. Древесина такая прочная, что огонь не берет. Северяне Кзандии делают из него мечи, легче стали, но столь же крепкие. Эта тренога будто говорила мне, что у нас все еще есть будущее, что мы еще вернем себе силу и чудеса прежних времен.

С точки зрения Пайлы, это были дорогостоящие причуды старого дурака. Хоть она и помогала мне сделать эту прочную основу.

Я выпрямился и достал остальные компоненты балантхаста. Пайла и Джайала помогли мне его собрать из множества деталей.

– Нет, – прошептал я, поймал себя на том, что говорю шепотом, прокашлялся. – Джайала, вакуумную камеру закрепи так, чтобы смотрела вперед, к раструбу. И будь внимательна, пожалуйста. У меня огня не хватит выдувать новую.

– Я всегда внимательна, папа.

Наконец мы закончили приготовления. Латунная брюшная камера и гнутые медные трубки, стеклянные пузыри – все это блестело в серебре луны, невиданное, неземное.

– Как будто его в Джандпаре сделали, – сказала Пайла. – Столько тонкого искусства вложено в один-единственный предмет.

Я зарядил камеру сгорания балантхаста. Мелия и лавр, мята и сумеречный цветок лоры, а еще – обрезки терновника. При свете факела мы вкопались в землю, ища корневую связку. Их было много. Рукой в кожаной печатке я зачерпнул горсть земли, сосуда терновника. Плодоносящего чрева Мары. Необходимый ингредиент, который укротит алхимическую реакцию и направит ее в глубоко ушедший под землю терн, – во многом так же, как волосы Джайалы направили реакцию в глубь ее тела. Селитра, сера и уголь направят варево в цель, прольют во внутреннюю камеру. Я задвинул заслонку камеры сгорания, повернул тугие латунные защелки.

Выбрав цель, я воткнул три новых сопла балантхаста в окружающую землю. Зажег спичку – Джайала ручками зажала себе рот. Я чуть не улыбнулся, поднес спичку к камере сгорания, и собранные ингредиенты занялись. Пламя засветилось, как светляк, в своей стеклянистой камере. И медленно погасло. Мы ждали, затаив дыхание.

И тогда, будто все Три Лица Мары одновременно сделали вдох, вся тщательно изготовленная начинка исчезла, втянутая во внутреннюю камеру. Работающий балантхаст дрожал от силы, и стихии соединялись в нем.

Реакция оказалась столь неожиданной, что подготовиться к ней не было ни малейшего шанса. Сама земля сбила нас с ног, сверху поплыли облака желтого едкого дыма. Воздух наполнился отчаянным животным визгом, будто свинарки ворвались в свинарник, полосуя и раня все стадо ножами, но никого не убивая. Мы поднялись на ноги и побежали, кашляя и плача, спотыкаясь в изрытой земле. Хуже всех пришлось Джайале. Кашель из глубины рвал ей легкие, вызывая у меня опасение, что еще до утра придется снова применить к ней магию.

Дым постепенно рассеялся, открыв результаты нашей работы. Балантхаст дрожал на треноге, неподвижны были лишь ушедшие в землю части, но вокруг него все превратилось в бурлящую массу усиков терна, вертящихся и дымящих. Шипя, сгорали плети, чешуйками дракона осыпался с них пепел. Еще раз содрогнулась земля – это глубокие корни в судорогах вылезали наружу – и сразу, одновременно поникли все плети, распадаясь, превращаясь в сажу, оставляя за собой чистую землю.

Мы осторожно подошли. Балантхаст не только убил выбранный мной корень, но уничтожил терновник во все стороны на длину многих корпусов лошади. У рабочих часы ушли бы на такую расчистку. Я поднял факел, разглядывая свою работу. Даже по периметру совершенных балантхастом разрушений побеги терновника повисли тряпками. Я осторожно шагнул вперед. Тронул рукой в перчатке поврежденное растение. Плети зашипели, испуская сок, и поникли.

Я медленно повернулся, разглядывая землю.

– Семена видите?

Мы стали водить факелами над землей, высматривая лопнувшие в этом огненном жаре стручки.

Джайала присела, поворошила землю рукой в перчатке, пропустила сквозь пальчики.

– Ну, есть?

Джайала подняла глаза.

– Нет, папа, – сказала она с радостным удивлением.

– Пайла? – шепотом спросил я. – Ты видишь хоть одно?

– Нет. – Служанка смотрела на меня широко распахнутыми глазами. – Ни одного. Нету совсем!

Мы стали искать все вместе. Ничего. Ни единого семечка ни из единого стручка. Плети терновника погибли, не оставив ничего, что могло бы когда-нибудь вступить в новую битву с людьми.

– Магия, – прошептала Пайла. – Настоящая магия.
– Лучше, чем магия! – засмеялся я. – Алхимия!

4

На следующее утро, несмотря на позднее бодрствование накануне, все мы поднялись на ноги с первыми петухами. Я засмеялся, обнаружив в лаборатории заранее пришедших Пайлу и Джайалу: они топтались у ставень, ожидая, когда же можно будет разглядеть результат нашей вылазки.

Едва солнце выглянуло из-за горизонта, мы снова были в полях, шагали по рыхлым бороздам к терновой стене. Первые терновые бригады уже вышли на работу, с топорами и длинными обрубочными ножами, в кожаных передниках для защиты от усыпительных шипов. Дым сжигаемого кустарника поднимался в воздух, извиваясь черными маслянистыми змеями. Ровными рядами шли грязные детишки с лопатами и мотыгами, выпалывая новые очаги. В лучах рассвета всеобщая суета возле стены смотрелась как сцена недавней битвы. Дым и лица, лишенные надежды. Но там, где горел мой балантхаст, собралась небольшая кучка рабочих.

Мы подобрались поближе.

– Вы это видели? – спросили они.

– Что видели? – переспросила Пайла.

– Дыра в терновнике, – показала одна женщина. – Смотрите, какая глубокая!

Несколько детишек копались в земле. Один из них поднял голову:

– Мама, тут чисто. Ни одного семечка. Будто и не было тут терновника.

Я едва сдерживал ликование. Пайле пришлось меня оттаскивать, чтобы я не выдал себя. Мы поспешили обратно в Каим чуть ли не вприпрыжку и смеялись всю дорогу.

Дома Пайла и Джайала принесли мою лучшую одежду. Пайла помогла мне застегнуть двойные пуговицы парадной куртки, надувая губы и укоризненно мотая головой при виде того, как я похудел с тех пор, как надевал ее в годы моего здоровья и богатства.

Я рассмеялся в это озабоченное лицо:

– Скоро я опять стану толстым, а у тебя появятся свои служанки, и мы будем богаты, а город – избавлен от напасти.

Пайла улыбнулась. С ее лица впервые за много лет сошло выражение тревоги, она снова выглядела молодой, и меня потрясло воспоминание, как красива была она в молодости. И вот сейчас, вопреки заботам и тяжким годам, она все еще стоит, не согнутая и не сломленная всеми взятыми на себя обязанностями. Пайла вела наше хозяйство, хотя средств никаких не оставалось, при том, что другие, более богатые семьи предлагали ей лучшую и комфортабельную жизнь.

– Хорошо все-таки, что вы не безумец, – сказала она.

– Ты вполне уверена в этом? – засмеялся я.

Она пожала плечами:

– Ну, хотя бы не на терновнике помешались.

Путь в мэрию вел вокруг холма Мальвия, через глиняный рынок и потом вдоль реки Сулонг, отделяющей Каим от Малого Каима.

Когда идешь вдоль реки, рынок пряностей переходит в картофельный рынок, а тот – в медный. Аромат молотых пряностей заполняет воздух, покупателей зазывают торговцы с длинными черными усами, которые смазывают и отпускают длиннее при рождении каждого нового ребенка. Руки у них красные от чили и желтые от куркумы, дыхание их поражает ароматами гвоздики и орегано. Они сидят под арками вдоль реки, выставив вперед большие джутовые мешки пряностей, а за их спинами – двери в лавки, где до высоты двух этажей сложены те же пряности. А дальше – женщины картофельного рынка, где раньше торго-

вали только картофелем, а теперь – всевозможными клубнями, а потом семьи медников, где выкуют трубу или котел, где чеканят изящные подсвечники для богатых и кухонные горшки для бедных.

Когда я был молод, существовал только Каим. В то время еще что-то оставалось от Империи прежних времен. Великие чудеса Востока и грандиозная столица Джандпара ушли в прошлое, но все еще здравствовали Алакан, Турис и Мимастива. В то время Каим был небольшим городком, повсеместно ценимым за близость к реке, но куда как далеким от Джандпары, где когда-то правили могучие великие магистры с тремя алмазами на рукавах. Но медленно наползал терновник, рос Каим, а на том берегу реки Малый Каим воздвигался еще быстрее.

Когда я был маленьким, на противоположном берегу видны были лишь лимонные рощи и касровые кусты, отягощенные налитыми плодами. Сегодня там селятся беженцы, строя землянки. Алаканцы, разрушившие собственные дома и теперь рвущиеся разрушать Каим. Турис превратился в пепел, но это не вина жителей – город взяли разбойники, а вот алаканцам некого винить, кроме себя.

Джайала быстро шагала со мной вдоль реки, держа мою руку своей ручонкой. Сейчас у нее было будущее. Не шанс на жизнь и богатство, а шанс, что не придется бежать из родного дома, подобно алаканцам, оставив свое детство и свою историю на поживу терновнику.

Поперек Сулонга сновали туда-сюда небольшие лодочки, перевозя рабочих Малого Каима. Но сейчас виднелось еще кое-что, изменяющее привычный пейзаж.

В воздухе висел огромный недостроенный мост. Он парил в вышине, удерживаемый веревками, чтобы не улетел совсем. Магия. Поразительная и мощная магия. Работа магистра Скацза – единственного человека в городе, практиковавшего магию с разрешения мэра и потому не опасающегося секиры палача.

Я остановился, глядя на парящий над рекой мост. Такой магии не бывало со времен падения Джандпары. И зрелище этого моста, вздымающегося над водой, наполняло меня суеверным ужасом. Столько магии в одном месте! От такого ее количества даже балантхаст не защитит.

– Что-то покупаете? – окликнул меня продавец пряностей. – Или так и будете стоять и мешать другим покупателям?

Я приподнял бархатную шляпу:

– Прошу прощения, почтенный купец. Загляделся на мост.

Торговец сплюнул:

– Магии тут навалом. – Он снова сплюнул. Табак и кемовый корень, наркотическая смесь. – Слыхал, что уже на дальнем берегу терновник рубят. На западной стороне едва ли был, а сейчас даже в колеях растет. Потом будет как в Алакане – сожрет нас колючка, потому что наш веселый мэр хочет *там* соединить с *тут*. Мало забот, что эти пришлые алаканцы мелкой магией промышляют, так теперь еще и крупная. Скацз и мэр делают вид, что Каим становится второй Джандпарой с магистрами, алмазами и летающими дворцами.

Он снова сплюнул табак с кемом и смерил глазами мост:

– У палача теперь работы хватит. Будут новые головы на городских воротах, это верно, как терновник ползет. Слишком много большой магии, чтобы дать малой свободно дышать.

– Может, и нет, – начал я, но Джайала ущипнула меня за руку, и я замолчал.

Продавец пряностей посмотрел на меня как на сумасшедшего.

– Мне сегодня целый мешок гвоздики пришлось сжечь. Нельзя было продавать: полно там было семян и побегов терновника. Кто-то пускает в ход мелкую магию, а у меня торговля накрывается.

Я хотел ему сказать, что узел у меня на спине изменит это положение, но Джайала была как минимум права, и я оставил эту мысль при себе. Магия призывает терновник, и такой серьезный проект, как мост, неизбежно требует свою плату.

Я поднял узел со снаряжением, и мы пошли дальше, вокруг подножия холма и потом вверх по его склону, туда, где стоял Дом мэров, озирая с вершины весь Каим.

Нас без проволочек провели в галерею мэра с ее длинными мраморными коридорами и анфиладой арок. Одежда моя здесь казалась бедной, и одежда Джайалы – тоже. Даже лучшее, что у нас было.

Во внезапной прохладе галереи у Джайалы начался кашель. Сухой, режущий, он грозил приступом. Я наклонился к девочке, дав ей глотнуть воды.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, папа. – Она смотрела на меня серьезным и полным доверия взглядом. – Я не буду кашлять.

И тут же ее сухой кашель начался снова. Он отдавался эхом, сообщая о нашем присутствии всем прочим просителям.

Мы сидели в галерее. Здесь ждали приема женщины, ходатайствующие о снижении налогов на домовладение, мужчины, которые просили освободить их от трудового призыва. Через час к нам вышел секретарь мэра. На груди у него сверкала эмблема его должности: топор палача, перекрещенный с посохом магистра – двойная власть, которой облечен мэр ради блага города. Секретарь провел нас еще одной мраморной галереей, затем в приемную мэра – и дверь за нами закрылась.

Мэр был одет в красный бархат, на груди у него висел такой же медальон, но гораздо больших размеров, на золотой цепи. Он то и дело касался этого медальона пальцами – навязчивый жест. И с мэром был магистр Скацз. У меня по коже мурашки побежали при виде человека, использующего магию ежедневно, а последствия своей деятельности перекладывающего на терновые бригады и городских детей, выковыривающих мелкие кусочки терна из щелей мостовых и каменной кладки для последующего их сожжения.

– Ну? – спросил мэр. – Так кто это?

– Джеоз, алхимик, – объявил секретарь.

– Магией от него разит, – буркнул магистр Скацз.

Я заставил себя улыбнуться:

– Это от моего прибора.

У мэра приподнялись брови – пушистые серые гусеницы на румяном лице. Усы короткие – детей у него не было. На щеке выступал старый шрам, стягивая рот в едва заметную улыбку.

– Магией занимаешься? – спросил он прямо. – Ты с ума сошел?

Я сделал умоляющий жест.

– Не занимаюсь, ваше превосходительство. Никак. Совсем. – У меня с губ сорвался нервный смех. – Я занимаюсь алхимией, она терн не призывает. Никаких дел у меня нет с проклятием Джандпары. – Нервничал я ужасно. – Палач вам не понадобится. – Я развязал мешок и стал вынимать части балантхаста. – Вот смотрите. – Я вкрутил один из медных концов в главную камеру. Развернул камеру сгорания, вздохнул с облегчением, увидев, что она перенесла путешествие. – Смотрите, – повторил я. – Я тут сделал кое-что, что понравится вашему превосходительству. Мне кажется.

Джайала рядом со мной закашлялась. То ли болезнь, то ли нервы, не знаю. Взгляд Скацза обратился к ней, задержавшись на детском личике. Мне не понравился этот взгляд, задумчивое выражение лица. Но я продолжал:

– Это балантхаст.

Мэр посмотрел на устройство.

– А больше похож на аркебузу.

Я заставил себя улыбнуться.

– Отнюдь. Хотя действительно использует огненные реагенты. Но у моего устройства совершенно уникальные свойства. – Дрожащими руками я нашел мяту, кору мелии, цветок лоры. Вложил их в камеру.

Скацз смотрел внимательно.

– Я вижу перед собой чародейство, милостивый государь? Прямо у меня на глазах? Без разрешения?

– Нет-нет…

Меня затрясло под этим взглядом. Я пытался зарядить балантхаст.

– Папа, вот, – подсказала Джайала.

– Да-да… хорошо. Спасибо, деточка. – Я набрал в грудь воздуху. – Понимаете, балантхаст уничтожает терн. И не только плети. Он бьет в самый корень терновника и отравляет его насмерть. Поставьте его в двух ярдах от главного корня – и он уничтожит больше, чем способна сработать целая бригада за полдня.

Мэр подался поближе:

– Вы можете подтвердить свои слова?

– Да, конечно. Прошу прощения. – Я вытащил из сумки небольшой глиняный горшок, обернутый мешковиной, и перед тем как развернуть ее, надел кожаные перчатки.

– Терн, – объяснил я.

При виде растения в горшке они оба ахнули. Я посмотрел на их встревоженные лица.

– Мы работаем в перчатках.

– Вы принесли в город терновник? – спросил мэр. – Сознательно и намеренно?

Я запнулся, подыскивая слова.

– Это было необходимо – для испытаний. Наука алхимии требует большого количества проб и ошибок.

На их лицах застыло неодобрение. Я зажег спичку, поднес к стеклянному пузырю. Захлопнул его крышку.

– Задержи дыхание, Джайала. – Я глянул на мэра виноватыми глазами: – Дым очень едкий.

Мэр и магистр тоже задержали дыхание. Балантхаст завибрировал, выделяя энергию. Смертельная рябь пробежала по поверхности почвы, горшок треснул. Терновник увял и погиб.

– Магия! – крикнул Скацз, бросаясь вперед. – Что это за магия?

– Нет, магистр! Это лишь алхимия. Магия на терн просто не действует. Не обезвреживает его яд, не убивает семян, не сжигает плетей. Это совершенно новая вещь.

Скацз схватился за балантхаст:

– Я должен посмотреть.

– Это не магия. – Я потянул балантхаст на себя – в страхе, что он его сломает. – Здесь используются природные свойства мелии. Да, особый вид, любимый магистрами, но это всего лишь применение природных сил. Мы испаряем мелию с некоторыми добавками, прогоняем через эту трубу и при помощи серы, селитры и угля посылаем ее суть в землю. И даже малые дозы творят чудеса. Суть мелии связывается с корнем терновника. Убивает его, как видите. Ее тянет к терну, как муху к меду.

– И что заставляет мелию искать терн?

Я пожал плечами:

– Трудно сказать. Быть может, магические следы ауры растения. Я до мелии испытывал тысячи иных субстанций, но только кора мелии дает такой эффект.

– Вы думаете, мелию привлекает магия?

– Ну… – я был осторожен. – Определенно ее привлекает терн. Вода и масло не смешиваются. Мелия и терн представляются противоположностями, и это создает между ними сродство… – Я чувствовал, как меня бросило в пот от этих взглядов. Очень мне не нравилось, что Скацз так одержим поисками магии. – Я бы не стал утверждать с уверенностью, что именно магия так влечет к себе суть мелии…

– Что вы все ходите вокруг да около? – перебил Скацз. – Хуже, чем жрица Руиза!

– Простите, – пролепетал я. – Не хотел, чтобы вы подумали, будто я не разбираюсь в собственных исследованиях.

– Он боится, что мы позовем палача, – пояснил мэр.

Я улыбнулся болезненной улыбкой:

– Совершенно верно. Терновник уникален. У него есть свойства, которые можно было бы назвать магическими, – поразительная способность к росту, стойкость, бурное распространение в ответ на магию, – но кто может сказать, какой именно уникальный аспект притягивает к нему суть мелии? Эти вопросы вне моего понимания. Я ставлю эксперимент, записываю результаты и затем ставлю следующий. Алхимический ответ на мелию – гибель терновника. Что вызывает эту реакцию, существует ли какая-либо остаточная магия, которая высасывается из корней терна и перестает прикрывать его от действия мелии, – не знаю. Но мелия действует, и преотлично. В поле есть участок, который я сам расчистил в терновой стене. За то время, что хватило бы на три хлопка в ладоши, я очистил пространство больше этого кабинета.

Мэр и магистр переглянулись.

– Вот так быстро? – спросил мэр.

Я энергично закивал.

– И даже сегодня там никаких признаков зарастания. Ни одного семечка, понимаете? Ни единого. Моим устройством можно вооружить людей и отвоевать пахотные земли. Отодвинуть стену терновника. Спасти Каим.

– Экстраординарно! – воскликнул Скацз. – Не просто отбросить терновник, а даже, быть может, отвоевать сердце империи. Вернуться в Джандпару!

– Именно так.

Я не мог скрыть облегчения, увидев, как с их лиц исчезает скепсис. Мэр широко заулыбался:

– Тремя Лицами Мары клянусь, друг мой, вы совершили необыкновенное! – Он жестом подозвал нас с Джайалой. – Пошли! Вам полагается по бокалу вина. Такое открытие следует отметить.

Он со смехом и шутками привел нас в комнату с большими окнами, выходящими на город. Перед нами расстилался Каим. На горизонте медленно садилось солнце. Сквозь дымы от очагов Малого Каима сочился красный закат. Через реку, словно кошка в прыжке, перегнулся недостроенный парящий мост, удерживаемый толстыми пеньковыми канатами, растянувшими его остов.

– Это случилось как раз ко времени, – сказал мэр. – Смотри, алхимик. Малый Каим растет с каждым днем, и не только из-за беженцев Туриса и Алакана. Сюда сползаются мелкие землевладельцы, чьи земли поглощены терном, и все они несут с собой свою магию. До их прихода мы почти достигли равновесия. Мы и сейчас можем вырезать достаточно терна, чтобы уравновесить небольшие употребления магии. Даже мост был бы вполне приемлем. Но алаканцы творят магию без расчета, и терновник наваливается на нас всерьез. Их привычки ведут нас к гибели. У каждого своя маленькая магия, которую он считает оправданной. И когда у соседа на стропилах вырастает стебель терновника, как узнать, чья тут вина?

Он обернулся ко мне:

– Знаешь, почему меня тут зовут Веселый мэр? Потешаются над моим шрамом и мрачным настроением. – Он нахмурился. – А ведь оно и правда мрачное. Мы ежедневно бьемся с терном и ежедневно терпим поражение. Если так продолжится и дальше, через три шестерки лет нам придется бежать отсюда.

Я вздрогнул:

– Неужто так плохо? Быть того не может.

Мэр шевельнул бровями-гусеницами:

– Еще как. – Он кивнул в сторону Джайалы. – Твоя девочка вольется в реку беженцев вдвое большую, чем та, что притекла из Алакана. – Он снова обернулся на запад. – И куда же они двинутся? Мпайас? Лоз? Турис захвачен разбойниками. – Он нахмурился. – Малый Каим точно так же беззащитен. В последний раз мы едва отбили их, разбойников. Без моста я даже не представляю, как защитить ту сторону реки. Вот и приходится пускать в ход магию и усугублять проблему. Как есть тюрьма Хализака.

Пришел дворецкий с вином и кубками. Я стал с любопытством разглядывать бокалы на ножках, думая, уж не я ли выдувал их давным-давно, но потом увидел клеймо Саары Солсо. Да, она работает куда лучше с тех пор, как мы с ней конкурировали. (Еще одно напоминание, сколько лет ушло у меня на борьбу с терновником.)

Дворецкий уже готовы был открыть бутылку, однако замешкался:

– Ваше превосходительство, вы уверены?

Мэр засмеялся, показывая на меня:

– Этот человек принес нам спасение, а тебе винтажной бутылки жалко?

Дворецкий явно остался при своем мнении, но бутылку все же открыл, и комната наполнилась веселящим ароматом. Мэр повернулся ко мне, поблескивая глазами:

– Узнаешь? Счастливый букет давних времен.

Аромат манил меня, как ребенка – пряники с сиропом. Пораженный, опьяненный, широко раскрыв глаза, я спросил:

– Неужели это оно?

– Вино со склонов Сены, летние виноградники прежней империи, – ответил магистр Скацз. – Вещь редкая, потому что холмы теперь начисто покрыты терном. Где-то еще найдется штук двадцать, быть может, из которых у Веселого мэра сейчас остается одна.

– Не надо меня так называть.

Скацз поклонился:

– Сегодня это имя подходит вам, ваше превосходительство.

– Раз в жизни, – улыбнулся мэр.

Дворецкий разлил вино в хрустальные пузыри.

– Смородина, корица и радость. – Магистр Скацз испытующе смотрел на меня. – Вы прикоснетесь сейчас к одному из утонченнейших удовольствий Империи. Его подавали на празднике весеннего сева, на сборе урожая и на церемониях совершеннолетия. У самых богатых купцов были фонтаны этого вина в летающих дворцах – если вы можете себе подобное вообразить. Это была настоящая магия, без нее не обходилось. Гений виноделия, сочетавшийся с искусством магистра.

Он поймал взгляд зачарованно смотрящей Джайалы – глаза девочки блестели, оживленные ароматом вина.

– Иди сюда, детка. Попробуй нашу утерянную историю. – Он плеснул в бокал. – Не слишком много. Такой малышке можно только пригубить, но я обещаю: ты этого никогда не забудешь.

Мэр поднял бокал, рубиново-черный в закатном солнце.

– Что же, господа, тост. За наше вновь обретенное будущее!

Мы выпили, и кровь старой империи побежала у нас по жилам, кружа головы. Мы снова осмотрели мой прибор, магистр и мэр восхищались искусной работой, моим способом соединения стекла с медью, металлургией, породившей камеру сгорания, не лопающуюся от мощи освобожденного пламени. Мы обсуждали трудности строительства новых балантхастов и прикидывали, сколько миль окружающей местности могли бы очистить.

– Это огромные хлопоты – соорудить такое, – заметил Скацз.

– О да, – ответил я восторженно, поглаживая вентиляционные трубки, идущие вдоль внешней поверхности и собирающие газы от горящей мелии.

– И сколько штук вы могли бы сделать?

– Для начала? – Я пожал плечами. – Наверное, месяц понадобится на новый. – На лицах мэра и Скацза отразилась тревога, и я поспешно добавил: – Но я могу обучить металлургов и стеклодувов. Мне не обязательно всю работу делать самому, если другие будут следовать моим указаниям. При большой мастерской можно сделать много.

– Можем обучить ремесленников, которые изготавливают аркебузы, – сказал Скацз. – Сейчас бессмысленность их работы очевидна. Оружие, что стреляет один раз, слишком неудобно в обращении. Существенно уступает в силе приличному арбалету, а действует медленнее. А вот это…

Мэр задумчиво кивал головой:

– Вы правы. Это стоит любых усилий. Те дурацкие орудия даже сравниться с ним не могут.

Скацз еще раз пригубил вино, погладил рукой балантхаст медленным ласкающим движением.

– Возможности поразительны. – Он посмотрел на меня испытующим взглядом. – Я бы взял его на время, чтобы провести пару опытов. Посмотреть, что он делает.

– Магистр…

Скацз потрепал меня по плечу:

– Не беспокойтесь, мы будем очень бережно с ним обращаться. Но исследовать его я должен. Убедиться, что он действительно не использует магии, которая вернется к нам сторицей. – Взгляд его стал многозначительным. – Слишком много предложенных способов борьбы с терновником так или иначе неявно использовали магию. Скажем, сильный огонь, сжигающий заросли, но когда они сгорали, оказывалось, что магия, затраченная на его разведение, возвращала вдвое больше терновника, чем сжег огонь.

– Но в балантхасте магия не используется! – возразил я.

Скацз посмотрел на меня:

– Разве ты магистр, чтобы знать наверняка? Человек может не подозревать, что пользуется началами магии, просто из-за своего невежества. Ты же сам признал, что в этом устройстве действует нечто уникальное. – Он взялся за балантхаст. – Это ненадолго, алхимик. Лишь для того, чтобы удостовериться.

Мэр внимательно посмотрел на меня.

– Не тревожься, алхимик. Мы не присвоим причитающуюся тебе награду. Но мы слишком многим рискуем. Если положим тяжесть своей власти на чашу весов, склоняющуюся к гибельному пути Таказа, а не к спасительной дороге Мары… сам понимаешь.

Я едва не вывихнул себе мозг, пытаясь найти причину для отказа, но голос изменил мне, а Джайала в этот момент вновь закашлялась. Я обернулся к ней в тревоге. Звук был – как от режущего ножа.

Скацз начал складывать устройство.

– Давай, – сказал он. – Займись дочкиным здоровьем. Сам видишь, что она устала. А мы пришлем за тобой, и очень скоро.

Джайала закашлялась сильнее.

– Бедное создание, – тихо сказал мэр. – Кажется, у нее чахотка.

– Нет-нет, – поспешно возразил я. – Это что-то другое. Простуда такая – начинает кашлять, и ей трудно остановиться.

Скацз вынул балантхаст у меня из рук.

– Ну, вот и займись ею, – сказал он. – Вези малышку домой и согрей. Мы скоро за тобой пошлем.

Джайала кашляла всю дорогу до дома. Глубокие мучительные припадки складывали ее пополам. Когда мы подошли к двери, она продолжала кашлять.

Пайла обратила ко мне гневный вопрошающий взгляд:

– Бедная девочка совсем измоталась! Где вас носило?

Я покачал головой:

– Устройство им понравилось, и они захотели поговорить. А потом выпить за успех. И еще поговорить.

– И вы не могли забрать бедную девочку домой?

– А как? – спросил я. – «Благодарю вас, господин мэр и господин магистр, но мне пора, а эти утраченные вина Джандпары меня, спасибо, не интересуют. Назовите цену, и я продам вам планы балантхаста, всего наилучшего?»

Джайала закашлялась еще сильнее. Пайла бросила на меня мрачный взгляд и повела девочку прочь.

– Пойдем в лабораторию, детка, я уже развела там огонь.

Я смотрел им вслед, беспомощный и раздосадованный. Предполагаемый триумф обернулся чем-то непонятным. Мне не понравилось, как себя вел под конец Скацз. Все его слова были абсолютно разумны, и все же его поведение чем-то меня тревожило. И речи мэра. Все слова правильные, придраться не к чему. Но тревога не оставляла меня.

Я поднялся к себе в комнаты, пустующие теперь, если не считать горки одеял и сундука для одежды.

Я становлюсь подозрителен? Превращаюсь в безумца, шарахающегося от каждой тени? Я знал когда-то одну женщину, когда был моложе, и она вот так сошла с ума. Она была стеклодувом, делала чудесные подвески, светившиеся внутренним огнем, будто горящие изнутри. Гений света. И что-то поселилось у нее в голове, что заставляло ее подозревать всех. Она уверилась, что даже муж и дети против нее злоумышляют, и в конце концов бросилась в реку, спасаясь от демонов Трехсот Тридцати Трех Залов, видимых только ей.

Я вот так же теперь всех подозреваю? Пошел по той же дороге?

Мэр и магистр все сказали честно.

Я расстегнул жилет, поразившись, как он выносился до ниток. Красно-синяя вышивка постарела и вышла из моды. Потертый, старый – как все, кроме балантхаста. Вот он действительно блестит. Я столько надежд вложил в эту идею, столько лет провел…

В дверь постучали.

– Да?

Заглянула Пайла:

– Джайала все кашляет, не перестает. Вы нужней.

– Да, конечно. Я скоро приду.

Пайла сказала, поколебавшись:

– Наверное, лучше прямо сейчас. Очень плохо. Кровь. Если не скажете свои заклинания, добром не кончится.

Я перестал расстегивать пуговицы. Страх проник в сердце тонкой струйкой.

– Ты знаешь?

Пайла улыбнулась:

– Слишком долго я на свете живу, чтобы гадать. – Она рукой показала мне на дверь: – Не беспокойтесь о своих одеждах. Вашей дочери все равно, как вы выглядите.

Она заторопила меня вниз по лестнице, в мастерскую. Джайала свернулась на изразцах у огня, ее тряс кашель, время от времени переходящий в спазмы. На полу виднелась лужица крови, краснее роз, ярче рубинов.

– Папа… – прошептала Джайала.

Я обернулся. Рядом со мной стояла Пайла, держа в руках книгу заклинаний магистра Аруна.

– Ты все мои тайны знаешь? – спросил я.

Пайла ответила с печальным видом:

– Только те, что необходимы.

Она подала мне остальные ингредиенты заклинания и побежала закрывать ставни, чтобы никаких признаков нашей магии не видно было снаружи.

Я смешал ингредиенты, нанес их на лоб Джайалы, обнажил ее худую грудь. Дышала моя девочка, как мехи, – тяжело и громко, с брызгами крови и хрустом, подобным сухой листве. Когда я закончил приготовления и взял книгу магистра Аруна, у меня тряслись руки.

Произнес слова, и магия потекла из меня в мое дитя.

Постепенно она стала легче дышать. Исчез мучительный лихорадочный взгляд, глаза стали обычными, и хрипы стихли – кровавые очаги закрылись.

Приступ ушел так же быстро, как начался, оставив за собой лишь сернистую вонь магии.

Пайла изумленно смотрела на меня.

– Я знала, – прошептала она. – Но не видела никогда.

Я промокнул лоб Джайалы.

– Прости, что втянул тебя.

Джайала дышала все легче и легче. Пайла присела рядом со мной, глядя на мою дочь. Девочка теперь отдыхала, утомленная тем, что использовало ее тело для выздоровления.

– Нельзя, чтобы тебя поймали, папа, – прошептала она.

– Это уже недолго, – ответил я. – Буквально завтра уже можно будет пользоваться магией, как древним, и не нужно будет больше прятаться.

– А у нас будет летающий дворец?

Я ласково улыбнулся ей:

– Не вижу, почему нет. Сперва мы победим терновник. Потом построим летающий дворец, а может быть, когда-нибудь и винные лозы вырастим на склонах Сены. – Я взъерошил ей волосы. – А сейчас тебе надо отдохнуть, поспать, чтобы магия сделала свою работу.

– А можно я увижу во сне облачные дворцы?

– Можно, только спи.

Джайала закрыла глаза, и тело ее замерло, успокоенное. Я сказал Пайле:

– Открой окна, но только чуть-чуть. Пусть магия уходит медленно, чтобы никто не учуял запаха и ничего не заподозрил. Если тебя поймают, то большой топор палача ждет нас обоих.

Пайла открыла одно из окон и стала проветривать комнату, а я накрыл Джайалу одеялами. Мы встретились у дальней стены мастерской.

Когда-то у меня тут были кресла – для бесед и для размышлений, но их давно уже нет. Мы сели на пол.

– Вот теперь ты участница моего небольшого заговора, – сказал я с грустью.

Пайла печально улыбнулась:

– Я давно уже догадалась. У девочки очевидная чахотка, но она не чахнет. Как правило, на этой стадии дети уже умирают. А Джайала бегает по улицам и приходит домой, кашляя,

и так продолжается неделю за неделей. По крайней мере, так было до того, как она упала в терновник. Естественными средствами так кашель не сдержать.

– Почему ты не позвала стражу? – спросил я. – За таких, как я, очень щедрая награда. Ты могла бы жить безбедно, продав сведения о моей глупости.

– Вы же не для себя используете магию.

– Все равно. Она навлекает проклятие на город, насчет этого мэр прав. Помощь, которую я оказываю Джайале, означает вред, наносимый Каиму. У нашего соседа может вырасти на плитках двора побег терновника. Работнице на картофельных полях придется выпалывать новый корень, привлеченный моим исцеляющим заклинанием. Стена терна придвинется ближе, и ей совершенно нет дела, с какими намерениями я использовал магию. Ей важно лишь, чтобы была магия, которой она питается. – Я встал, несколько закостеневший, присел у камина, перевернул полено. Оно затрещало, рассыпая искры. Пайла смотрела на меня – я ощутил ее взгляд и оглянулся. – Спасаю ребенка и гублю соседа. Вот так, просто.

– И многие ваши соседи поступают подобным образом, – ответила Пайла. – Вот так, просто. Теперь подойдите и сядьте здесь.

Я сел рядом с ней, и мы вместе смотрели на огонь и на мою спящую дочь.

– Боюсь, что не смогу ее спасти, – сказал я наконец. – Чтобы полностью победить кашель, требуется большая магия. Ее смерть написана в куполе Зала Судьбы, и я боюсь, что без великой магии ее не спасти. Такой магии, которой командует кто-нибудь вроде Скацза. А он не пустит ее в ход ради спасения одной девочки.

– И потому вы работаете над балантхастом.

Я пожал плечами:

– Если я смогу остановить терновник, не станет причины воздерживаться от большой магии. Мы все можем спастись. – Я смотрел в пламя. Дрова сильно подорожали с тех пор, как в ближайшем лесу появились побеги терновника. Я поморщился. – Тюрьма Хализака. С каждым нашим движением стены сдвигаются все теснее.

– Но балантхаст работает, – напомнила мне Пайла. – Вы нашли решение.

Я внимательно посмотрел на нее.

– Я им не доверяю.

– Мэру?

– Или магистру. А сейчас мой балантхаст у них. Снова Хализаков ящик: я не доверяю им, но только они могут нас спасти.

Пайла тронула меня за плечо:

– Я наблюдаю за вами каждый день уже больше пятнадцати лет. Вы отыщете способ.

Я вздохнул:

– Начинаю подсчитывать годы – и тошно становится. Я был уверен, что усовершенствую балантхаст за год или два. Ну, за пять. И уж точно – за десять. Успею спасти Мерали. – Я посмотрел на спящую дочь. – А сейчас не могу избавиться от мысли, не опоздаю ли я с Джайалой.

Пайла улыбнулась:

– На сей раз, думаю, у вас получится. Никогда не видела ничего подобного балантхасту. И никто не видел – вы сотворили чудо. Что вам стоит сотворить еще одно – спасти Джайалу?

Она отвела назад прядь темных волос, посмотрела на меня глубокими карими глазами. Я хотел что-то ответить, но почувствовал, пораженный ее близостью, что голос мне изменяет.

– Пайла…

За работой у меня никогда не было времени рассмотреть ее как следует. Глядя сейчас ей в глаза, видя легкую улыбку у нее на губах, я почувствовал, будто всплываю из глубокой воды и вдруг начинаю дышать. Вижу Пайлу в первый раз. Может быть, весь мир вижу впервые.

Сколько же времени я отсутствовал? Сколько времени я просто не замечал свою растущую дочь, заботу Пайлы? При свете очага мастерской Пайла была красива.

– Почему ты осталась? – спросил я. – Ты могла бы уйти в другой дом. Могла создать семью. Я тебе плачу меньше, чем платил, когда ты только стирала и убирала, а ведь сейчас ты ведешь все хозяйство. Почему не перейти туда, где лучше? Я бы не стал ворчать. Тебя где угодно приняли бы, я бы тебе дал рекомендацию.

– Теперь, достигнув успеха, вы хотите от меня избавиться? – спросила Пайла.

– Нет, я… – Я запутался в собственных словах. – Я не хотел сказать, чтобы… – И снова сбился. – В смысле, другие хозяева платят больше.

Пайла фыркнула:

– И намного, если учесть, что я уже больше года плату не получала.

Я посмотрел на нее, не понимая:

– Что ты имеешь в виду?

Она посмотрела с грустной улыбкой:

– Необходимая экономия. Иначе пришлось бы перестать есть.

– Так почему же ты все-таки не ушла?

– Вы хотите, чтобы я ушла?

– Нет! – Все слова получались неправильными. – Я у тебя в огромном долгу. Я тебе луну с неба должен! Но здесь ты голодаешь – и не можешь не понимать, как я это ценю. Просто для тебя бессмысленно…

– Дурак ты, – сказала Пайла. – Дальше сопла своего балантхаста ничего не видишь!

Она наклонилась, и ее губы коснулись моих. Когда она выпрямилась, глаза девушки светились знанием и надеждой.

– Я сделала свой выбор давным-давно. Я видела тебя и Мерали, во дни ее здоровья и болезни. И видела тебя с Джайалой. Я бы никогда не ушла от такого, как ты, – человека, не оставляющего других, даже когда это легко было бы сделать. Тебя я знаю.

– Все мои тайны, – прошептал я.

– Все, что имеют значение.

5

На следующий день мэр снова пригласил меня в свой большой дом на холме – демонстрировать действие балантхаста.

Пайла опять помогала мне надеть парадную одежду, но сейчас наклонялась ближе, улыбалась при этом, и мы почти соприкасались щеками, у меня усы дрожали от близости этой женщины, которую я вдруг заметил.

Как будто мы вглядывались с противоположных сторон в матовое стекло – и вдруг отполировали его до прозрачности. Сталкиваясь пальцами на пуговицах моего жилета, мы смеялись, голова шла кругом от радости узнавания, и Джайала смотрела на нас, улыбаясь потаенной детской улыбкой, – той, которая всегда освещала ее лицо, когда она считала, что обладает каким-нибудь тайным знанием, но эта тайна отражалась в ее глазах ярко, как знаменитые фейерверки Джандпары на фоне звезд.

У самых дверей я обнял на прощание Джайалу, потом повернулся к Пайле. Сделал к ней шаг – и остановился, засмущавшись собственной стремительности, застрявший между прежними жизнями и новыми обстоятельствами. При виде моей неуверенности Пайла улыбнулась, потом засмеялась, подошла ко мне, покачивая головой, и мы неловко обнялись. Новый ритуал. Осознание, что теперь все между нами будет иначе и эти новые обычаи сменят собой старые привычки.

Притянув к себе Пайлу, я чувствовал, как падают годы у меня с плеч. И тут в нас врезалась Джайала, обняв обоих, вместе, смеясь и протискиваясь между нами. Семья. Снова, снова семья, которой так долго у меня не было. Три Лица Мары – все мы вместе стали целостнее, чем прежде. И благодарнее.

– Похоже, ей нравится, – тихо сказала Пайла.

– Тогда не оставляй меня.

– Никогда не оставлю.

Из пустого дома я вышел, наполненный жизнью куда полнее, чем в прошлые года. Смеясь и одурев от счастья. Думая о свадьбе, о Пайле в роли невесты. Дар, который я не чаял разыскать. Груз одиночества сняли с меня. И даже вид терновых бригад не омрачал настроения. Люди выковыривали побеги из щелей мостовой, вычищали город, не давая плетям вползти. А я улыбался, глядя на них. Наконец-то балантхаст снимет с людей угрозу. И даст им жить так, как им хочется.

В древней Джандпаре магистры пропитывали магией ковры и стрелой носились по небу. Большие широкие ковры, размером с комнату, с серебряными чайными сервизами и стеклянными курильницами перелетали Империю из конца в конец в мгновенье ока. Магистры летали между парящими дворцами, имениями на прохладном севере и на теплых берегах юга. Дети не болели и не умирали, и чахотки не было. Все казалось возможным, да вот только магия породила терновник, и он сбросил с неба летающие ковры.

Но теперь у меня в руках моя судьба и меня любит Пайла, и Джайала теперь будет со мной всегда – или хотя бы столько, сколько может рассчитывать родитель удержать при себе ребенка.

Не проклят. Благословен.

Над Сулонгом шли работы на летающем мосту. Я не мог удержаться и представил себе, как над рекой парит не один мост, а три. Как будут обогреваться дома зеленым магическим огнем. Как можно будет перелетать с места на место. Отвоевать Джандпару.

И в пронзительном весеннем воздухе я рассмеялся.

Стало возможно все.

Дворецкий мэра встретил меня с большим почтением, от чего мое напряжение несколько спало. Страхи, преследовавшие меня накануне, исчезли под действием ночного сна, радости от объятий Пайлы и согревающего весеннего солнца.

Дворецкий провел меня в галерею приемов. Я был удивлен, увидев там первых лиц города, собрание в золоте и богатом убранстве: магистраты судов, торговцы пряностями и драгоценными камнями, генералитет и старое дворянство с родословными, восходящими ко временам Джандпары. И даже три древних магистра из погибшего Алакана. Еще много народу выглядывало из подпертых колоннами арок, окружающих мрамор и базальтовые плиты галереи. Здесь собралось почти все высшее общество Каима. Я остановился в удивлении:

– Что это?

Широким шагом подошел ко мне магистр Скацз, приветственно улыбаясь.

– Мы решили, что нужно провести демонстрацию.

Он подвел меня к задрапированному предмету в центре зала. По контурам я предположил, что это мой балантхаст.

– Это мой прибор? – спросил я озабоченно.

– Конечно же. – К нам подошел мэр. – Не беспокойся, алхимик.

– Это устройство очень деликатное.

Мэр серьезно кивнул:

– И мы обращались с ним с максимальным уважением.

Скацз похлопал меня по спине, успокаивая:

– Здесь собрались люди, чья поддержка нам понадобится, если мы хотим запустить твою мастерскую балантхастов. Для начала строительства придется поднять налоги, и еще, – он помолчал, подчеркивая тонкость момента, – некоторые из родовитых дворян могут оказать нам покровительство в обмен на возвращение прежних земель, освобожденных от терновника. Смею заверить, что это очень хорошо. Куда легче заручиться поддержкой, когда люди чуют выгоду, нежели когда чувствуют себя обобранными налогом на неизвестные цели. – Он жестом пригласил меня к балантхасту. – Не нервничай, алхимик, все будет хорошо. Возможность прекрасная для нас всех.

Слуга внес большой горшок, а в нем – отросток терновника высотой больше семи футов. Казалось, эта тварь подрагивает, злобно выискивая место, куда протянуть корни. Наверное, посадили его в горшок накануне вечером, сразу после моего ухода, раз успел так сильно вырасти. От него отходили многочисленные ветви, напоминавшие большие мохнатые щупальца.

Собравшиеся достойные граждане ахнули и задержали дыхание при виде величайшего врага человечества, поставленного в центре галереи. В свете дня это создание с волосатыми щупальцами и молочайными стручками казалось воплощением жути и зла. И даже горшок, в котором рос побег, устрашал лицами Таказа, Князя Демонов, и его змеиными головами, заманивающими на пути ложного спасения.

Мэр поднял руки и обратился к собранию:

– Не страшитесь, ибо это всего лишь демонстрация. Необходимая, чтобы вы поняли значимость изобретения алхимика.

Он махнул рукой, и слуги сняли драпировку с моего прибора.

– Глядите! – обратился мэр к собранию. – Перед вами балантхаст!

Надо сказать, показать товар лицом он умел. Прибор отполировали, и солнце с верхних галерей освещало его так, что он пылал. Свет преломлялся в стеклянных камерах, рассыпая радуги. В медных раструбах сопел и брюхе камеры сгорания сияющими уродцами отражались люди.

Собрание в изумлении ахнуло.

– Его разбирали? – спросил я.

– Нет, конечно, – ответил Скацз. – Только отполировали, и все. Я осмотрел рабочие части предмета, но ничего не разбирал. – Магистр забоченно нахмурился: – Он поврежден?

– Нет. – Но я продолжал осматривать прибор. – Вы удовлетворены? В приборе не используется магия? Это не устройство магистров, представленное в новой форме?

Скацз почти улыбнулся в ответ на мою тираду.

– Приношу глубочайшие извинения за свои подозрения, алхимик. Устройство функционирует в полном соответствии со свойствами природы. Это воистину подвиг, история может только склониться перед твоим неповторимым гением. – Он кивнул собранию. – А теперь: не покажешь ли ты работу устройства нашим досточтимым гостям?

Я начал собирать ингредиенты, а тем временем один генерал из публики спросил:

– Что это у вас за инструмент, Скацз?

– Спасение, полководец.

Толстый купец из бриллиантового квартала, с густыми усами, свидетельствующими о многодетности, поинтересовался:

– Что он делает?

Мэр улыбнулся:

– Если сейчас расскажу, это испортит сюрприз. Увидите все так, как увидели это мы с магистром. Без предисловий и преамбул.

Я зарядил балантхаст, но потом мне понадобилась помощь слуг, чтобы подтащить его к здоровенному побегу терновника. Треножник целую вечность полз по плитам под недоумевающими взглядами собравшихся. Я верил в свое устройство, но сердце взволнованно колотилось. Надев резиновую перчатку, я взял щепоть земли из-под корней. Внес в камеру сгорания. Вставил выхлопные сопла в землю. И наконец зажег спичку.

Какой-то миг все смотрели молча. Собранные ингредиенты занялись, потом их засосало в камеру сгорания. Пауза. Я задержал дыхание, думая с ужасом, что Скацз с мэром что-то сломали в балантхасте по невежеству. И тут балантхаст затрясся, змеиные морды Князя Демонов раскололись и широко расселись, просыпая землю, горшок затрясся, терновник опрокинулся на мрамор. Толпа ахнула.

От плетей и веток пошел желтый дым, они извивались, вертелись, дымились, вскипали жидкостью. Пищал, клокоча пеной и испаряясь, сок, – смертный вопль древнего зла.

Люди закрыли уши. Дым из плетей пошел гуще, и через минуту терновник лежал неподвижно, и только плавали в солнечных лучах пепел и почерневшие ниточки. Над головами, вызывая кашель и слезы, медленно колыхался желтый дым, потом он рассеялся, и собрание недоверчивым шепотом встретило явление обугленного трупа тернового побега.

– Посмотрите! – крикнул Скацз. – Подойдите и убедитесь! Не увидите – не поверите!

Близко подошли немногие, но генерал подошел, бесстрашно наклонился. И сказал, как громом пораженный:

– Семян нет. – Взгляд расширенных глаз обернулся ко мне. – Должны быть семена!

Его слова отдались по собранию. *Семян нет. Семян нет*.

Чудо! Поражающее, как молния.

Мэр засмеялся, и вошли слуги с кубками вина. Скацз хлопнул меня по спине, а люди из богатейших купеческих домов вышли вперед – посмотреть на очищенную почву. И тут Скацз снова обратился к людям:

– Демонстрировать дальше?

Все захлопали, затопали ногами. Я вновь зарядил балантхаст, радуясь возможности еще раз продемонстрировать чудо спасения. Огляделся в поисках другого побега терна, но ни одного не увидел.

– Как же демонстрировать? – спросил я.

– Неважно, – ответил Скацз. – Зажигай просто так.

Я заколебался.

– Немного показухи не повредит, – сказал мне мэр. – Пусть увидят сияние.

– Но он не может стрелять просто так. Надо к чему-то подсоединить. Хотя бы к какому-нибудь клочку земли.

– Вот, – сказал Скацз, снимая что-то с рукава. – Можешь попробовать на этом.

Он пробормотал что-то себе под нос, и вдруг я учуял магию. Аромат был не таков, как от целительной магии, которую я вечером выплеснул на Джайалу. Это было что-то особенное, яркое, как колокольчик на летнем солнце, липкое, как мед. Скацз вложил мне в руку сложенный кусок пергамента.

– Положи это в камеру своего балантхаста. Отлично должно гореть.

На пергаменте держался след запаха колокольчикового меда – от магии.

Мне не хотелось. Я не знал, что он задумал. Но мэр кивал, а меня окружало собрание, и все великие имена и влиятельные дома на меня смотрели, и мэр жестом велел продолжать.

– Давай, алхимик. Покажи нам свой гений. Публика от тебя в восторге, продемонстрируй, как эта штука стреляет по своей воле.

Никогда не перестану сожалеть, что я послушался его.

Подняв сопла так, чтобы они смотрели в воздух, я зажег спичку. Заговоренный пергамент, мелия и все собранные ингредиенты исчезли в брюхе балантхаста, и он взревел.

Из сопел вырвалось синее пламя – длинный, рассыпающий искры язык. И с ним повалил желтый дым. И еще кое-что: липкое дыхание начиненного магией пергамента, который дал мне Скацз. Яркость цветка, ставшая летучей в брюхе балантхаста, теперь выпущенная в виде дыма.

Стоящий рядом со мной Скацз засветился неземным синим ореолом, резким и отчетливыми. Но не только он. И мэр. И его дворецкий. Я посмотрел на свои руки – да, я тоже.

Дымы разряженного балантхаста клубились по комнате, и один за другим начинали светиться люди. Генерал. Толстый купец-ювелир. Его жена. Женщины в юбках. Мужчины в вышитых жилетах. Но ярче всего светились залитые синим черты лица Скацза.

– Ты был прав, – сказал ему тихо мэр. – Посмотри-ка на нас на всех.

Все оглядывали друг друга, дивились на многих и многих, сияющих неземным огнем, ахая при виде этой нечеловеческой красоты.

– Ты был прав, алхимик, – улыбнулся мне Скацз. – Мелия любит магию. Она льнет к ее памяти, как дитя к юбке матери.

– Что вы сделали? – спросил я.

– Сделал? – Скацз оглянулся с довольным видом. – Да ничего. Добавил к твоей мелии чуть-чуть иллюминации. Соединились твоя тонкая алхимия и мое простенькое заклинание. Правда, прекрасный эффект?

В коридорах загремели сапоги, залязгала сталь. Из-за белых колон, из-под арок вышли стражники – люди в чешуйчатой броне, а за ними слышался еще топот.

– Взять их! – крикнул Скацз. – Все, кто светится, – использовали магию. Всех до единого! Кто не из людей мэра, тот предатель.

Поднялся рокот протеста. Те, кто не светился, шарахнулись от тех, кто ярко горел.

Генерал выхватил меч:

– Измена? Вот почему ты нас здесь собрал?

Еще несколько людей последовало его примеру.

– К сожалению, полководец, даже на вас распространяется закон, – сказал мэр. – Вы использовали магию, что безусловно запрещено. Если у вас есть оправдания, вас выслушает магистрат… – он замолк. – О небо! Кажется, и магистрат виновен. – Он махнул рукой стражникам: – Взять всех.

Генерал взревел. Подняв меч, он бросился к мэру, но стражники навалились на него, как стая волков на быка. Залязгала сталь, один из стражников отшатнулся и рухнул. Из путаницы клинков, шатаясь, выступил генерал, истекая кровью из полудюжины ран. Секунду мне казалось, что он бросится к нам, но он рухнул, растянувшись на мраморе, однако при этом тянулся к мэру. Скребя, как жук лапами, оставляя за собой темную кровавую полосу.

Мэр с отвращением смотрел на его тщетные попытки.

– А вообще-то – убейте всех на месте. Мы знаем, что они задумывали.

Стражники взвыли. Сливки городского общества дрогнули – мало кто из них был вооружен. Они разбегались, как овцы, метались по галерее, пока их не догоняли стражники и не обрывали их мольбы ударами мечей. Наконец крики смолкли.

Я стоял посреди этой бойни, вцепившись в балантхаст.

Мэр махнул стражникам:

– Убрать тела. А потом идите и конфискуйте их дома и лавки. – И громче: – Обращаюсь к тем, кто уцелел: имущество предателей будет продано с торгов, как велит обычай. Вы, доказавшие свою верность, на этом выиграете.

Он хлопнул Скацза по спине:

– Отлично сработано, магистр. Вдохновенно, я бы сказал. – Его взгляд упал на меня, тоже светящегося синим. – Да, очень жаль. Кажется, магистр был прав во всем. Он сказал мне, что учуял от тебя запах магии, а я ему не поверил. Но вот ты стоишь тут и светишься, как лампа.

Я попятился, прижимая к груди балантхаст:

– Ты сам Князь Демонов!

– Не говори глупостей. Таказу совершенно незачем бороться с терновником. – Стражники хватали тела и стаскивали их в кучи, оставляя на полу кровавые мазки. Мэр посмотрел на кровь: – Пошлите кого-нибудь сюда вымыть пол, не оставлять же грязь. – Он осмотрелся. – Куда делся мой дворецкий?

Скацз кашлянул:

– Боюсь, он пострадал в общей бойне.

– А! – Мэр поморщился. – Некоторое неудобство. – Он снова вернулся ко мне. – Ну ладно. Давайте возьмем прибор.

Он протянул руки.

– Я никогда бы…

– Дай сюда.

Я смотрел на него, переполненный ужасом от того, что он сделал. Что я для него организовал. И резко поднял балантхаст над головой.

– Нет! – крикнул Скацз, бросаясь вперед.

Поздно. Я швырнул балантхаст на пол.

Разлетелись стеклянные вакуумные камеры. Брызнули по мраморному полу алмазные фрагменты. Тонкие латунные и бронзовые детальки гнулись и с треском ломались. Я схватил самый большой из обломков и швырнул прочь наотмашь. Он зазвенел по полу, разваливаясь на части, пока не остановился в крови своих жертв.

– Дурак!

Скацз схватил меня, рукой зажал мне горло и надавил вниз. Синее свечение на нем стало ярче, потекла магия. Мое горло, сжимаемое силой и ненавистью Скацза, стало закрываться.

– Иди к предателям! – сказал он.

Горло закрылось, я перестал дышать. Даже крикнуть не мог – воздух не шел через губы. Этот человек был силен, и ему даже не требовалась чернильная страница, чтобы наколдовать такое зло.

Тьма.

И вдруг – свет.

Я дышал. Лежал на плитах и вдыхал воздух внезапно освобожденным горлом. А надо мной склонился магистр Скацз.

Его рука лежала у меня на груди, осторожно нажимая. И в то же время я ощущал все его пальцы у себя под ребрами – он сжимал мне сердце. Я попытался ударить его по руке, отбить ее в сторону – Скацз сжал пальцы, смиряя пульс моей крови. Я прекратил сопротивление.

Мэр стоял над нами, пристально наблюдая.

– Мэр напомнил, что ты слишком талантлив, чтобы пускать тебя в расход, – сказал Скацз и снова сжал мне сердце. – Я искренне надеюсь, что его вера в тебя оправдается.

Внезапно он отпустил меня, выпрямился и махнул стражникам:

– Отведите нашего друга в подземелье, пока мы не найдем для него подходящую мастерскую. – Он перевел взгляд на разбитый балантхаст. – Его ждет многочасовая работа.

Я прохрипел:

– Нет. В этой кровавой бане. Не участвую и не буду.

Скацз пожал плечами:

– Участвуешь. И будешь, никуда не денешься.

6

Сказать ли, что я сопротивлялся? Не дал себя сломать? Что устоял перед пытками и уговорами и не принимал участия в последующей чистке? Что моей вины нет в реках крови, стекавшей в Сулонг по переулкам Каима? Сказать, что сохранил благородство, когда прочие завиляли хвостами? Что в терроре участия не принимал?

На самом деле я отказался. Один раз.

Тогда Скацз привел Джайалу и Пайлу. Мы сидели в промозглости моей камеры, сжимаясь под холодными каплями, падающими с камней потолка, чуя сладковатую вонь гниющей соломы и слушая влажные хрипы легких Джайалы – четвертого участника навязанной нам беседы.

Сам Скацз вообще ничего не говорил – просто посадил нас всех вместе. Принес деревянные табуретки и велел стражнику подать чашки мятного чая. Сперва я вздохнул с облегчением, увидев, что Джайала и Пайла невредимы, но потом у Джайалы начался неудержимый кашель, и капельки крови показались на губах, и она стала плакать, и тогда мне пришлось позвать стражника, чтобы их увели. И хотя он поспешил на зов, все происходило мучительно медленно.

Последнее, что сохранил я в памяти от Джайалы, – как Пайла уносит ее легкое тельце прочь и от каменных стен отдается раздирающий легкие кашель.

Потом меня снова навестил Скацз. Прислонившись к стене, он внимательно смотрел сквозь решетки, как страдание сводит судорогой мое лицо.

– Холод подземелья с ее легкими не в ладах, – отметил он.

Ремонт балантхаста – такова была цена за благополучие Джайалы и Пайлы, но Скацз и наш Веселый мэр даже не думали меня отпускать. Джайала – идеальный рычаг для управления. В уплату за магию и лечение, которое мог осуществить лишь Скацз, я создавал для них нужные инструменты и приборы. Мои устройства покупали жизнь для меня и моей семьи и несли смерть всем прочим.

Кровь текла по улицам. До моей тюрьмы доходили слухи, что залы мэра стали краснее заката. В кучах терновника сгорали тела, и вонь горящего жира смешивалась с дымом лиан, заполняя небеса огнем и дымом погребальных костров. У палача появилось столько хлопот, что пришлось нанимать второго и третьего подручного, чтобы разгрузить работника топора, уставшего от непосильной ноши. Иногда они даже не давали себе труда устроить публичное зрелище.

Скацз лишь смеялся:

– Когда мы не могли найти этих таящихся мелких заклинателей, необходим был страх, чтобы сдерживать магию. А теперь, когда мы их где угодно достанем, лучше дать им немножко поупражняться, а потом покончить со всеми разом.

Пока я создавал инструменты для охоты, меня не трогали – я был очень полезен мэру и Скацзу. Как призовой ястреб. Достаточно свободен – с некоторыми ограничениями. Наши отношения были натянуты, как струны скрипки, и каждый из нас дергал эти струны, рассчитывая на определенную выгоду, нащупывая границы противника, прислушиваясь к звучанию ноты. Работа моего ума и ее результаты – с одной стороны, судьба Джайалы и Пайлы – с другой. И обе стороны дергали и натягивали эти тонкие нити.

Я не был, строго говоря, заключенным – скорее ученым, работающим день и ночь в замкнутом пространстве, создавая лучшие по качеству и более портативные балантхасты. Более точно настроенные на вынюхивание магии. Иногда я забывал о своем положении. Когда работа шла хорошо, я настолько уходил в нее, как когда-то у себя в мастерской.

Стыдно, однако следует сознаться: иногда я с наслаждением отдавался той полной изоляции, которую обеспечивала камера. Когда нечем заняться, кроме как работать, можно горы свернуть.

– Ну посмотри, я тебе сладкое принесла, – теребила меня Пайла. – Ты же любишь.

Она сидела с той стороны решеток моей мастерской, протягивая мне еду.

Я сел, глядя на нее.

– Мне теперь есть не хочется.

– Вижу. Ты худеешь.

– Я всегда был худой.

Пайла грустно смотрела на меня:

– Прошу тебя! Если не хочешь есть ради себя, поешь хотя бы ради меня. Ради Джайалы.

Я неохотно встал, пошел к ней, по-стариковски шаркая.

– Ты плохо выглядишь, – сказала она.

Я пожал плечами. Последнее время меня мучили кошмары. Часто мне снилась река моих жертв. Во сне безвольные людские тела текли по улицам туда, где стоял, ожидая, палач – мясник в клобуке, перерубающий им шеи. Топор взлетал, как серп на жатве, головы катились во все стороны. А я стоял у истока реки, бросая в нее всех подряд. Поджигал их голубым огнем, а потом швырял в течение, и река несла их, вертя и качая, к последнему водопаду – плахе.

Пайла протянула руку сквозь решетку, сжала мои холодные пальцы. У нее на коже виднелись морщинки, ладони поражали неожиданной сухостью. Я подумал, что эти руки были когда-то мягкими, в дни ее молодости, но не мог такого припомнить. Она сжала мне пальцы, и я, вопреки всем обещаниям самому себе, припал к решетке, прижал ее пальцы к своей щеке.

Тяга к ее теплу – против этого я почти не мог устоять. Магистр Скацз предложил нам «облегчение», как он выразился, но после первого нашего свидания так сально осклабился, предлагая новое, что я не выдержал и плюнул ему в лицо. Его это так разозлило, что он запретил пропускать ко мне Пайлу почти на полгода. И лишь когда я пригрозил перерезать себе горло осколком стекла, он смилостивился и снова разрешил ее визиты, хоть теперь мы виделись через решетку. Я целовал пальцы Пайлы, страстно нуждаясь в ее доброте и человечности, потому что сам стал черствым и смердящим кровью.

В нескольких футах от нас сидел стражник, полуотвернувшись всем корпусом, создавая подобие уединения. Его звали Джаиска. У него была семья, усы надлежащей длины, свидетельствующей о трех сыновьях, и все они пошли по его стопам в стражники. Вполне приличный человек, желавший создать нам какую-то возможность пошептаться через решетку.

Не то что Изаак, который обожал потчевать меня рассказами о виденных им казнях, происходящих из-за моего изобретения. Он говорил мне, что на пятьдесят миль от Каима не найти теперь домовладельца, что не прошел бы проверку балантхастом. Головы выставлены теперь не только на городских воротах, но и на широком мосту, перемахнувшем через Сулонг и соединившем Каим с его меньшим братом. Голов столько, что мэру надоели горы трофеев и он распорядился просто сбрасывать тела в реку – пусть плывут в море.

– Как Джайала? – спросил я.

– Лучше, чем ты. Расцветает наша красавица. И растет. Скацз опять не разрешил мне ее привести, но с ней все хорошо. В этом ты можешь не сомневаться. Скацз – зло, но он в восторге от твоей работы и потому заботится о нас.

– Чужие головы в обмен на сохранение наших. – Я оглядел мастерскую. – Сколько я убил людей? Сколько крови на моих руках?

– Об этом нет смысла думать. Они пользовались магией, что всегда было запрещено. Не безвинные овечки идут под топор палача.

– Не забывай, что и мы пользовались магией. И остаемся в числе смертников, спасибо Скацзу.

– Не стоит о таком думать, только с ума сойдешь.

Я посмотрел на нее с горечью:

– Я тут уже два года, и все еще не нашел спасения в безумии. Так что вряд ли найду.

Она вздохнула:

– Как бы там ни было, но теперь все пошло на убыль. Меньше стало желающих испытывать розыскные способности мэра. – Она придвинулась ближе. – Говорят, теперь он проверяет наличие средств магии только на людях слишком богатых или чересчур влиятельных. Этих он вынюхивает со всем старанием и конфискует имущество.

– И никто не сопротивляется?

– Многие пытаются, но он пользуется поддержкой. Крестьяне, живущие возле терновой стены, говорят, что наступление плетей замедлилось. Кое-где стену даже отодвинули. Впервые за много поколений – стену отодвинули!

– Отодвинуть можно было бы на мили, если бы мэр попросту использовал балантхаст по прямому его назначению.

– Что уж об этом думать. – Она протолкнула матерчатый сверток с хлебом через решетку. – Вот. Ну поешь, пожалуйста.

Но я помотал головой и отошел, не взяв приношение. Мелочно, конечно, и я осознавал это. Но сорвать зло было не на ком. Мелочный бунт – вместо настоящего, на который мне не хватало духу.

Пайла вздохнула. Я услышал шуршание, потом ее слова, обращенные к Джаиске.

– Дай ему, когда передумает. И себе возьми. Не позволяй ему уморить себя голодом.

И она ушла, оставив меня с моей мастерской и машинами убийства.

– Не держи на нее зла, – сказал Джаиска. – Она остается с тобой и твоей дочерью, хотя запросто могла бы уйти. Старина Скацз ей не дает покоя. Пристает и пристает.

Я обернулся:

– В смысле?

Он пожал плечами:

– Пристает.

– Она такого не говорила.

– Тебе – нет. Не хочет, чтобы ты глупостей натворил.

Я вздохнул, устыдившись своего ребячества:

– Я ее не достоин.

Джаиска засмеялся:

– Никто никого не достоин. Ты их завоевываешь и каждый раз надеешься, что это навсегда. – Он протянул мне хлеб: – Мог бы и поесть, пока свежий.

Я взял хлеб и отрезал ломоть на рабочем столе. Отрезал и Джаиске. Аромат меда и розмарина – в сочетании с вонью мелии и мяты и гари от углей из очага, где плавилось стекло.

– В странном мире мы живем, – сказал я, показав на рабочий стол. – Все эти месяцы усиленно искали магию, а теперь Скацз вдруг опять требует балантхастов, уничтожающих терн. Может быть, он и правда решил снести стену зарослей?

– Ну, в каком-то смысле, – фыркнул Джаиска. – Он вырубает в терновнике новые земли для друзей – своих и мэра. Для тех, кто им наушничает. Для любимых стражников.

– И тебе тоже достанется надел?

Джаиска пожал плечами:

– Я рядовой мечник. Знаю свое место. Не занимаюсь магией, когда охотники рыщут повсюду. Надеюсь, что мои сыновья научатся правильно махать мечом. Земли мне не нужны, награды не положены. С мэром дел не имею.

– Вот это и есть мудрость, наверное, – вздохнул я. – А я вот думал стать спасителем нашей страны.

– Терновник почти остановлен, – ответил Джаиска. – Вряд ли кто сейчас творит магию, кроме Скацза. По-настоящему. Не могу даже припомнить, когда последний раз появлялся в городе побег терна. Это спасение – своего рода.

– Не то, на которое я надеялся.

Джаиска в ответ засмеялся:

– Как можно быть таким сообразительным с приборами и таким чертовским дураком с людьми?

– Я уже слышал это от Пайлы.

– Потому что это правда, алхимик. – Услышав новый голос, Джаиска вскочил на ноги. – Прошу прощения, если обидел, сударь.

В коридоре показался Скацз:

– Стражник, пойди займись чем-нибудь.

– Слушаюсь, – ответил Джаиска, коснувшись лба, и вышел.

Скацз сел на освобожденный им табурет. Остановил взгляд на остатках приношения Пайлы.

– Попросил бы у тебя твоего прекрасного хлеба, но боюсь, как бы ты мне туда нитей терна не подложил.

Я мотнул головой:

– Терн слишком хорош для такой твари, как ты.

– Твари, значит. И правда, твари. – Он улыбнулся. – Самой могучей твари в этой стране – твоими стараниями, алхимик. Головы магистров Алакана все на кольях. – Он вздохнул. – Сила – к ней привыкаешь, как пьяница к вину. Ощущение силы, текущей через тебя… нет, никому этого не понять. Песня сирен для нас, владеющих мастерством. Но ведь ты и сам это знаешь.

– И не скучаю по ней.

– Может быть, – хмыкнул Скацз. – Но все равно манит, никуда от нее не деться. Многих манит. Почти всех. Мы не можем допустить, чтобы люди поверили, будто твой балант-хаст и есть окончательное решение. Это было бы ложным утешением. Как только они чуть зачерпнут магии, у них возникнет потребность забраться глубже. А тогда, – он взмахнул руками, – волей-неволей все и каждый начнут колдовать то там, то сям, понесутся чередой чары и заклинания, чудо-дворцы, летающие ковры, и все будет прекрасно – пока терновник не одолеет нас.

– Не одолеет, – сказал я. – Мы ведь не глупцы.

Скацз засмеялся.

– Да ведь и народ Джандпары – и всей прежней империи – не то чтобы не осознавал неблагоприятных эффектов магии. Из древних манускриптов видно: они старались сдерживать свои порывы. Но продолжали жаждать магии. Ради власти. Ради наслаждения ею. Ради удобства. Ради спасения. Ради поразительной роскоши.

Он сделал быстрое движение – и над его ладонью появился светящийся город. Он парил в облаках, и над ним кружили разноцветные драконы.

– Может ли человек отказаться от этого? – спросил он. – У народа Джандпары отсутствовала дисциплина. И даже те, кто хотел себя сдержать, не имели достаточной силы воли. Так и пала наша Империя.

Замок над рукой Скацза полетел, кувыркаясь, с облака и рухнул в густой терновый лес. Плети захлестнули арки дворцов, амфитеатры, храмы Трех Ликов Мары, выросли высоко и страшно. Пыль и облака щебенки закрыли миниатюрную сцену – это рушились другие замки.

Скацз отряхнул руки, уничтожив видение и вызвав дождь пыли, засыпавший его одежду.

– Магия рождает терновник, – сказал он. – Но даже ты, алхимик, жаждал ее применять.

– Только чуть-чуть. Чтобы спасти дочь.

– Каждый заклинатель назовет разумные причины для использования чар. Снисходить ко всем – коллективное самоубийство. Интересная проблема для такого этичного человека, как ты.

– Думаешь, что мы все одинаковы?

– Магия – это магия, терн – это терн. На философские казусы мне в высшей степени наплевать. – Он встал, кивнул в сторону нового балантхаста. – Поспеши с этим устройством, алхимик. Как всегда – благополучие твоей дочери зависит от него.

– Почему ты меня не отпустишь?

– Какова может быть причина для такого поступка? Ты мог бы уйти и унести секрет балантхаста в другие города. Дать другим людям иллюзию, будто дисциплина ничего не значит. – Он помотал головой. – Нет, это совершенно никуда не годится.

– Моя родина – Каим. У меня нет желания покидать его. Я мог бы строить балантхасты. Ты говорил, что теперь хочешь отбросить терновник. Наконец-то наши цели можно согласовать.

– Наши цели уже согласованы, алхимик. – Скацз отвернулся. – Давай побыстрее. У меня есть феоды, которые я желаю раздать.

– А если я откажусь?

Скацз повернулся ко мне:

– Я просто перестану интересоваться, кашляет твоя дочь кровью или нет. Выбор за тобой. Как и всегда.

– Ты меня никогда не отпустишь.

Скацз рассмеялся:

– Не могу придумать достаточно веской причины для этого. Ты слишком полезен.

В ту ночь я лежал в постели в окружении странно-уютных запахов и капающих звуков моей тюрьмы-мастерской, прокручивая в голове проблему магистра. С этим драконовским умом не поторгуешься. И вопреки его словам я подозревал, что мое время подходит к концу.

Строительство балантхастов для создания феодов в терновнике – не зеленые ростки нового начала, но сигнальный дым печального конца. Как только будет создана бригада балантхастов, нужда во мне отпадет.

Я лежал, слушал беспечное сопение ночных стражников и пытался составлять план. Собирать отдельные куски и узлы проблемы в большее целое. Вырисовывался не полностью осознанный план, но все же… некоторая интрига. Переплетение путаниц, а в конце извилистой тропы – путь. Возможный путь из моей хализакской коробки. Я рассматривал переходы и повороты, нащупывал дыры в собственной логике.

Если честно, их было предостаточно.

Но Пайла, Джайала и я слишком долго жили в центре кровавой воронки Каима. И этот шторм в конце концов разорвет нас на кусочки. Может быть, Скацз человек слова, но явно не человек милосердия. Мэр и Скацз мыслят категориями торговли, и когда мне нечего будет предложить, от меня избавятся.

С раннего утра я был уже на ногах и напряженно работал.

– Джаиска! – попросил я. – Пойди найди Скацза. Скажи, что у меня важное сообщение.

Когда пришел Скацз, я озвучил свое предложение.

– Если будешь время от времени выпускать меня на прогулку, я сделаю тебе более мощные детекторы. Думаю, что смогу значительно расширить дальность их действия. И сконструировать их таким образом, чтобы они работали даже без участия человека. И работали постоянно – на рыночных площадях, на главных улицах, у городских ворот.

Скацз посмотрел на меня с подозрением:

– С чего это ты вдруг такой покладистый?

– Хочу жить хорошо. Хочу видеть солнце и небо и поэтому желаю торговаться.

– Ты задумал побег.

– От магистра твоей силы? – Я покачал головой. – Иллюзий не строю. Но вечно жить без свежего воздуха не могу. – Я поднял руку. – Вот, посмотри. Я чахну. Смотри, как я бледен. Можешь заковать меня в цепи, но я буду дышать воздухом.

– Как ты усовершенствуешь свое устройство?

– Вот. – Я развернул пергамент, обмакнул перо. Нарисовал скелет конструкции. – Несколько похоже на вертикальный факел. Часовой. Из кипятильника пойдет медленный дым. И любой прохожий будет немедленно в него пойман.

Я протолкнул набросок через прутья.

– И ты это хранил в тайне?

Я прямо посмотрел ему в глаза:

– Сам видишь, держать меня живым и довольным – это окупается.

Скацз в ответ рассмеялся – ему нравилась сделка, на которую, как он думал, он меня вынудил.

– Почувствовал, алхимик, как слабеют пальцы, которыми ты цепляешься за жизнь?

– Я хочу гарантий, Скацз. И жизни. Получше, чем сейчас.

– Вот как? Еще чего-нибудь ты желаешь?

– Хочу, чтобы Пайла снова могла меня посещать.

Скацз осклабился, потом мотнул головой.

– Я думаю, нет.

– Тогда не буду совершенствовать твои детекторы.

– А что ты скажешь под пыткой?

Я посмотрел на него сквозь решетку:

– Вся власть в твоих руках, магистр. Я прошу об одолжении – ты отвечаешь угрозами. Что еще я могу предложить тебе? Лучший балантхаст? Который будет работать эфективнее и быстрее того, что у тебя сейчас есть? Могу изготовить легкие и портативные. Такие, что очистят поля за пару дней. Представь себе, какую магию ты сможешь творить, если угроза терновника испарится окончательно.

На это он клюнул. В конце концов, что толку быть самым искусным магистром страны, если не можешь заниматься самой мощной, самой впечатляющей магией? Жажда влекла Скацза развернуться в полную силу – против естественных ограничений, которые накладывает терновник.

И я стал работать над задуманными улучшенными балантхастами и над детекторами. Мастерская заполнилась материалами, рулонами листовой меди, мехами и клещами, крепежом, гвоздями, стеклянными колбами и вакуумными трубками, и каждый день приходил Скацз, с нетерпением ожидая обещанных усовершенствований.

И Пайла пришла ко мне.

В темноте мы прижимались друг к другу, и я шептал ей на ухо.

– Не получится так, – шептала она.

– Если не получится, ты должна будешь уйти без меня.

– Не уйду. Ничего хорошего из этого не выйдет.

– Ты любишь Джайалу? – спросил я.

– Конечно.

– Тогда верь мне. Верь мне так, как все те годы, когда я отчаянно трудился и в конце концов довел нас до нищеты.

– Это безумие.

– Я сотворил безумие – и я обязан его прекратить. Если не смогу, ты должна бежать. Возьми заклинание для здоровья Джайалы и беги как можно дальше. Потому что если мой план сорвется, Скацз будет гнаться за тобой до края света.

Утром Пайла ушла, унося с собой поцелуй и медный знак моей преданности, привязанный к запястью. Небольшой кусочек мастерской, ушедший вместе с ней.

Несколько недель подряд я днем лихорадочно работал, а ночью шептал Пайле на ухо формулы и необходимые процедуры. Она внимательно слушала, длинные черные волосы щекотали мне губы, как перышки, блестящие черные пряди закрывали нас от мира, и мы вели интимные игры и работали над своим спасением.

Мои детекторы разошлись по городу, изрыгая скверный дым и покрывая Каим своими реагентами, и снова потекла по улицам кровь. Скацз был очень доволен и дал мне право выйти из камеры.

Я так ослабел, что запыхался, просто поднявшись по лестнице из подземелья. И ахнул, когда увидел город.

Огни детекторов горели повсюду, синие светлячки рассылали пахучий дым, который прилипал ко всему магическому. Мост в Малый Каим горел поразительным светом – маяк магии в сгущающейся тьме.

– Ты выковал красоту, – сказал Скацз. – Теперь Каим прославится как Синий Город. И отныне мы будем расти.

Он указал в небо, и я увидел задел замка, прилепившегося к собравшимся облакам.

От удивления я ахнул.

– Чертовски трудно вызывать и собирать облака, – сказал Скацз. – Но все усилия увенчает невиданная прежде красота.

У меня возникло чувство, будто передо мной легендарная Джандпара. Я почти слышал музыку и ощущал радость вина со склонов Сены, которое попробовал когда-то давным-давно.

Когда ко мне вернулся голос, я сказал:

– Ты должен доставить ко мне все старые балантхасты, чтобы я их подрегулировал. Надо будет переделать камеры сгорания под ту мощность, с которой они вскоре заработают.

Скацз улыбнулся и потер руки:

– И тогда я смогу всерьез потрудиться над замком. Уже можно будет не сдерживать силу.

– Магистр Синего Города, – сказал я.

– Воистину.

– Мне бы очень хотелось увидеть его, когда он будет готов.

Скацз задумчиво кивнул.

– Если эти балантхасты зарабатывают так, как ты говоришь, алхимик, то самое меньшее, что я смогу для тебя сделать, – дать тебе имение над землей.

– Воздушная тюрьма?

– Все ж лучше, чем подземная. И вид оттуда будет потрясающий.

Я рассмеялся в ответ.

– С этим не поспоришь. Я изо всех сил постараюсь приблизить этот момент. – Повернувшись уходить, я вдруг остановился, будто вспомнил: – Когда пришлешь балантхасты, к ним нужно еще несколько побегов терновника. Чтобы проверить и убедиться, что все сделано правильно.

Скацз кивнул рассеянно, все еще разглядывая мысленно свой замок во всем его великолепии.

– Что?

– Терновник, – терпеливо повторил я. – Для испытаний.

Он махнул рукой в знак согласия, и стражники повели меня обратно в подземелье.

Через несколько дней я попросил Джаиску пригласить Скацза для окончательных испытаний, а сам выстроил в ряд несколько горшков с терновником.

– Возле терновой стены получилось бы лучше, – ворчал я, – но и так сойдет.

У одной стены я поместил все балантхасты города. Каждый был заново отрегулирован, трубки и камеры переноса изменены под увеличенную мощность. Взяв один из сверкающих приборов, я ткнул его сопло в горшок с терновником. Ветви растения зловеще задрожали, будто понимая, какую судьбу я им уготовил. Когда шевельнулся горшок, застучали сухие стручки.

Я зажег спичку, приложил к камере сгорания. Сейчас зажигание происходило куда проще и быстрее.

Глухой взрыв. Растение вздрогнуло – и исчезло в клубе едкого дыма. От него просто ничего не осталось.

Я засмеялся в восторге:

– Видите?

Скацз и Джаиска смотрели, оцепенев. Я повторил опыт, смеясь, и на сей раз Скацз и Джаиска тоже засмеялись.

– Отлично, алхимик! Отлично!

– И заряжать его теперь можно гораздо быстрее, – сказал я. – В этих камерах наверху смешиваются ингредиенты, и они всегда готовы. Открываем клапан, и…

Я зажег спичку. Взрыв. Дым из отдушин. Побег терновника впитал яд балантхаста и исчез в визге горящего сока и клубящемся дыме.

Я улыбался во весь рот, повторял процесс снова и снова, совершая нечто более великое, чем магия. Джаиска притоптывал ногой и посвистывал. Улыбка Скацза превратилась в ошеломленный жадный оскал. А я, хохоча в экстазе, опьяненный успехом, схватился за терновник голыми руками.

Глупо, беспечно. Миг невнимательности – и погублен мой гений.

Я отдернул руки, будто от огня, но волоски-нити уже вцепились в голую кожу. Руки онемели от сонных токсинов, расходящихся как пожар. Я упал на колени, попытался встать. Споткнулся, налетел на балантхаст, опрокинул. Он разлетелся вдребезги.

– Кретин! – заорал Скацз.

Я снова попытался встать, но рухнул назад, запутавшись в терновнике. В меня воткнулись колючки, нити прилипли к коже, жадно пуская яд, заливая сон в сердце, сжимая легкие.

Глаза заволокло тьмой – пугающе быстро. Я отполз, одурев от токсинов, потянулся через решетки. Скацз и Джаиска отшатнулись от моих покрытых нитями рук.

– Прошу тебя! – прошептал я. – Вылечи меня, спаси! Включи магию!

Скацз покачал головой, стараясь держаться от меня подальше.

– От тернового сна магия не помогает.

– Пожалуйста! – прохрипел я. – Джайала! Прошу тебя, позаботься о ней.

Он посмотрел на меня с презрением:

– А какой теперь в этом смысл?

Мои конечности превращались в воду. Я рухнул на плиты пола, все еще протягивая руки за решетку. Скацз оказался далеко-далеко, расплываясь у меня в глазах. Окинул меня задумчивым взглядом.

– А наверное, так даже лучше, алхимик. Все равно в конце концов пришлось бы отрубить тебе голову. – И обратился к Джаиске: – Как только он перестанет дергаться, собери балантхасты. И не будь так глуп, как он.

– А с телом что делать? Доставить его жене?

– Нет, брось в реку вместе с прочими.

Я уже слишком далеко ушел, чтобы ужаснуться. Терновник остановил мне сердце.

7

Когда тебя жгут синим пламенем – это не самый приятный способ проснуться. Но по сравнению со смертью – улучшение заметное.

Еще один порыв огня обдал меня с головы до ног, загорелся в крови, опалил легкие, пробился к сердцу и вытащил обратно в жизнь. Стало невыносимо горячо, я задергался, пытаясь вздохнуть.

Новый клуб пламени.

И вдруг – кашель и хрип. Кожа горела, но я дышал!

– Хватит! – прохрипел я, слабо дергая руками, моля о пощаде, надеясь, что больше не будут жечь. И открыл глаза.

Надо мной склонилась Пайла, держа в руках фантастического вида балантхаст. Рядом стояла встревоженная Джайала, держась за ее юбку.

– Папа, ты жив?

Я сел, стряхивая с рук нити терновника. Пайла осмотрела меня, отряхнула рукой в перчатке.

– Жив, детка. Теперь быстренько принеси наши вещи. Пора бежать.

Джайала послушно кивнула и выбежала из мастерской. Я удивленно смотрел ей вслед. Как она выросла! Уже не ребенок, а высокая и живая девочка. Надо же, как переменилась за те два года, что я был в тюрьме.

Пайла продолжала смахивать с меня сожженные нити терновника. Я вздрагивал от ее прикосновений.

– Не ной, – сказала она. – Жжет – значит, ты жив.

Я отдернулся от очередного отряхивания.

– Значит, ты все-таки нашла мое тело.

– Едва успела. Я ждала, чтобы доставили гроб, и если бы Джаиска не оказался приличным человеком и не передал бы мне, куда тебя отвезли… – Она пожала плечами. – Тебя уже готовились сбросить в воду с остальными трупами.

– Помоги мне встать.

Опираясь на плечо, я встал на ноги. Моя старая мастерская, но кое-что изменилось в ней стараниями Пайлы.

– Пришлось заменить многие приборы, – объяснила Пайла, поддерживая меня. – Даже с твоими инструкциями не все было понятно.

– Однако я жив. – Я посмотрел на ее балантхаст. Мой замысел, ее исполнение. Отметил места, где она вносила изменения. Она держала прибор за кожаную лямку, закинутую через плечо. – У тебя он получится совсем компактным, – сказал я восхищенно.

– Если мы хотим бежать, то уже пора.

– Ну еще бы!

В зале стояли плетеные корзины с наплечными лямками, куда были сложены наши ничтожные пожитки. Крохотная кучка самого важного. Так мало осталось от моей прежней жизни! Несколько шерстяных одеял, еда и кувшины с водой. Да, еще Пайла и Джайала. Больше, чем вообще может просить человек.

Мы закинули корзины на плечи, и я застонал, ощутив вес своей.

– Праздная жизнь, – заметила Пайла. – Джайала поднимает больше, чем ты.

– Ну, не так уж все плохо, надеюсь. В любом случае ничего такого, чего не вылечит долгая прогулка.

Мы вышли, таясь, на улицы и стали петлять по переулкам. Бежали как можно быстрее к воротам Каима, стремясь в открытые поля. Я чувствовал, как пузырятся в душе смех и

радость освобождения. Кожа горела, волосы слиплись, но я был жив – в первый раз, быть может, за почти двадцать лет.

Тут переменился ветер, и на нас нанесло клуб дыма. Один из моих адских детекторов – теперь они маячили часовыми на каждой улице.

Джайала вспыхнула, как масляная лампа.

Пайла тихо ахнула.

– Ее только вчера лечили, магия еще видна. Обычно я после заговоров Скацза держу ее дома.

Быстрым кошачьим движением она накрыла Джайалу плащом, заглушив синее сияние. И все равно оно пробивалось наружу. Лицо Джайалы светилось неземной тенью. Я взял ее на руки, уткнул лицом себе в грудь. Еле удержал.

– Не показывай лица, детка.

Мы прокрались через город и с наступлением темноты оказались в полях. Шли по проселочной дороге, пытаясь скрыть роковой оттенок кожи моей дочери, но предосторожности были тщетны. Крестьяне на дороге увидели его и бросились прочь, ахнув, а мы поспешили дальше, но за спиной уже были слышны крики – за выдачу мага полагалась щедрая награда.

– Не успеем, – сказала Пайла.

– Бежим быстрее!

И мы побежали, оступаясь и спотыкаясь. Я сразу запыхался от неожиданной нагрузки – не годился сейчас для бега, после двух лет, проведенных в тюрьме. Через минуту я уже хватал ртом воздух, через две – круги поплыли перед глазами и меня шатало. Но мы бежали – Джайала теперь на своих ногах, таща меня за собой. Она была куда здоровее меня.

Сзади отдавались крики стражников. Они нагоняли.

Впереди поднималась черная стена терновника.

– Стоять, именем Каима и мэра!

Пайла на ходу раскочегарила балантхаст, зажгла запал. Приготовилась стрелять в землю, в корень куста.

– Нет! – прохрипел я. – Не так. – Приподнял устройство, чтобы оно смотрело выше, в переплетение ветвей. – Не трогай корней, задействует только ветви.

Пайла посмотрела на меня недоуменно, потом резко кивнула. Балантхаст взревел. Синее пламя вырвалось из сопла, поджигая ветви. Терновник корчился и испарялся, открывая глубокий узкий коридор дымящихся и дергающихся плетей. Мы бросились в прорез, а за нами снова раздался крик:

– Стоять!

С глухим стуком ударилась стрела в ветвь терновника. Другая царапнула мне ухо. Я схватил Джайалу и заставил ее пригнуться, а Пайла снова разожгла балантхаст.

Позади через вспаханное поле бежали стражники, расплескивая воду из оросительных канав. В лунном свете блестели их мечи.

Мглу снова пронзило синее пламя, и вновь открылся перед нами путь в дергающихся зарослях. Я вытащил книгу заклинаний магистра Аруна.

– Доченька, спичку.

Я зажег спичку и отдал ее Джайале. При трепещущем свете я прочел паучьи буквы текста, написанного рукой давно усопшего магистра. Заклинание для уборки.

В зарослях возник и завертелся пыльный вихрь. Взмахнув рукой, я отправил его по только что пройденному нами проходу. Простая домашняя магия, доступная слуге или ребенку. Ничто по сравнению с великими работами Джандпары.

Но для окружавшего нас терна это крошечное заклинание было словно кусок мяса, брошенного перед тигром. Учуяв магию, плети задергались и стали переплетаться, закрывая прогалину за пробежавшим вихрем. Пока Пайла очищала путь впереди, я произнес еще

несколько заклинаний, и позади все теснее смыкался терновник, жадный до магии, которую я разбрасывал ему, как крошки хлеба, и он нетерпеливо рвался поглотить пищу, падающую под самые корни. Плети выхлестнули из земли, перекрыв проход и замкнув нас во чреве тернового леса.

Крики стражи у нас за спиной стали намного тише, неразборчивее. Еще несколько стрел влетело в терн, стуча и отскакивая от ветвей, но они уже переплелись густо и плотно. С тем же успехом можно было стрелять в дубовую стену.

Пайла снова привела балантхаст в действие, и мы углубились в этот недобрый лес.

– Они очень скоро погонятся за нами, – сказала она.

Я покачал головой:

– Нет, время у нас есть. Балантхасты Скацза не будут работать. Я их все привел в негодность, когда Скацз думал, что я их совершенствую. Работал только тот, который я демонстрировал, – его-то я и разбил.

– Куда мы идем, папа? – спросила Джайала.

Я притянул ее ближе к себе и прошептал еще одно заклинание уборки пыли. Легкий вихрик умчался в темноту, приманивая терновник, закрывая за нами путь. Закончив, я улыбнулся и пощекотал девочку под подбородком:

– Я тебе когда-нибудь рассказывал про медные рудники Кеша?

– Нет, папа.

– Они воистину чудесны! Ни клочка терновника на всей земле, сколько бы там ни пользовались магией. Остров в терновом море.

Снова ночь озарилась синим огнем балантхаста Пайлы, опять расступился, корчась в огне, терновник, открывая нам проход для бегства. Я подхватил Джайалу, поразившись, какой она стала тяжелой за годы моего отсутствия, но мне не хотелось ни на миг расставаться с дочкой и приятно было ощущать ее такую – живую, настоящую. Мы двинулись по коридору, который открыла перед нами Пайла.

Джайала кашлянула и вытерла губы рукавом.

– Правда? – спросила она. – Там место, где можно пользоваться магией? И вылечить мой кашель?

– Верно, как балантхаст, – сказал я и крепче обнял свое дитя. – Только бы нам туда добраться.

Вспышка синего пламени озарила ночь, и мы двинулись дальше.

Помпа номер шесть

Полный карман дхармы

Ван Цзюнь стоял на скользких от дождя улицах старого города Чэнду и всматривался сквозь морось туда, где строилось здание Хуоцзяньчжу.

Оно поднималось в вечерней мгле, массивное ядро города, подавляющее даже небоскребы Чэнду. На его вздыбившемся скелете висели строительные рабочие, качаясь между сооружаемыми секциями на длинных альпинистских тросах. Другие рабочие карабкались без страховки, цепляясь пальцами за сотовые структуры, ползали по стойкам, беспечно пренебрегая опасностью. В недалеком будущем строящемуся ядру предстояло возвыситься над мокрыми черепичными крышами города. И тогда Хуоцзяньчжу, Живая Архитектура, полность сольется с Чэнду.

Здание росло на минеральной решетке, формируя себе скелет и покрывая его целлюлозной кожей. Сильная, широкая, возвышающаяся и ветвящаяся инфраструктура запустила корни глубоко в плодородную почву бассейна Сычуань. Она черпала питательные вещества и минеральные соли из почвы и солнца, воду из протухшей Бин Цзян; поглощала все загрязнения с тем же аппетитом, что и солнечные лучи, просачивающиеся через обволакивающий туман копоти.

Внутри здания прорастали вены и артерии трубопроводов для отходов, пищи и данных, которые будут производиться и поглощаться его обитателями. Оно было живым вертикальным городом, возникшим когда-то в плодовитых умах Биотектов и врастающим теперь в реальность. По воздвигающейся конструкции бродили потоки энергии. Завершенная, она займет километр в высоту и пять в ширину. Огромный биологический город, занятый лишь собственным жизнеобеспечением, а человечество, живущее своей жизнью, будет бродить по его гулким артериям, карабкаться по венам и на шкуре вести записи.

Ван Цзюнь смотрел на Хуоцзяньчжу и проворным умишком маленького попрошайки измышлял способы, как бы ему перебраться с мокрых голодных улиц в тамошние тепло и уют. Секции сооружения кое-где светились огнем – они уже были обитаемы. Высоко над головой живут люди, бродят по коридорам этого гигантского организма. Так высоко могут жить лишь сильные и богатые.

У которых есть *гуаньси*. Связи. Влияние.

Его глаза высматривали сквозь тьму, дождь и туман вершину каркаса, но она терялась в недоступной зрению бездне. Интересно, думал он, не видят ли люди там, наверху, звезды, когда ему здесь видна только морось. Еще он слыхал, что если Хуоцзяньчжу разрезать, из стен пойдет кровь. Кое-кто говорил даже, что здание плачет.

Он поежился, глядя на возвышающееся сооружение, опустил глаза обратно к земле, пробираясь через толпы Чэнду.

Люди прикрывались от моросящего дождя черными зонтиками или синими и желтыми пластиковыми плащами. Волосы у мальчишки промокли, прилипли к черепу, выделяя его контуры. Он дрожал и то и дело оглядывался, высматривая подходящую цель, и потому едва не споткнулся об этого тибетца.

Человек сидел на мокрой мостовой, прикрыв свое имущество прозрачным пластиком. Лицо было измазано потом и сажей, поэтому черты его поблескивали черным и в резком свете галогенных уличных фонарей казались липкими. Он улыбнулся, показав неровные пеньки зубов, вытащил из-под пластика сушеную лапу тигра и помахал перед лицом Ван Цзюня.

– Хочешь кости тигра? – Он осклабился. – Укрепляют мужские способности.

Ван Цзюнь резко остановился перед покачивающейся отрезанной конечностью. Ее владелец давно был мертв, и остались от него только жилы, клочковатый мех и кости, высохшие, бледные. Мальчишка посмотрел на реликвию, протянул руку потрогать обрывки сухожилий и злобно изогнутые пожелтевшие кости.

Тибетец отдернул эту лапу и опять засмеялся. У него на пальце было почерневшее серебряное кольцо, инкрустированное осколками бирюзы: змея, обернувшаяся вокруг пальца и глотающая свой хвост.

– Трогать тебе не по карману. – Он отхаркнул слизь и сплюнул ее на мостовую, оставив вязкую желтую лужицу, истыканную черной текстурой воздуха Чэнду.

– По карману, – ответил Ван Цзюнь.

– Что у тебя в карманах?

Ван Цзюнь пожал плечами, и тибетец засмеялся.

– Ничего у тебя нет, заморыш. Приходи, когда что-нибудь в карманах зазвенит.

Он взмахнул своими товарами, несущими мужество, перед собравшимися тем временем заинтересованными и более обеспеченными покупателями. Ван Цзюнь шмыгнул обратно в толпу.

Тибетец сказал правду: в карманах у него гулял ветер. У него было потертое шерстяное одеяло, спрятанное в картонной коробке «Стоун-Эйликсин», сломанный микросамолет с вертикальным взлетом и желтая шерстяная школьная шапочка, полусгнившая.

Когда он пришел сюда с зеленых террас холмов, у него и того не было. Скрюченный и покрытый шрамами после мора, он явился в Чэнду с пустыми руками и карманами, с воспоминаниями о замолкнувшей глинобитной деревушке, где не осталось ничего живого. В теле жили воспоминания о боли такой глубины, что она навеки въелась в скрюченные мышцы, вновь и вновь напоминая об этой муке.

Тогда у него ничего не было в карманах, и сейчас тоже ничего. Это могло бы его беспокоить, если бы он когда-нибудь знал хоть что-то, кроме нужды. Кроме голода. Пренебрежение тибетца возмущало его не более, чем неоновые логотипы на вершинах башен, иллюминирующие брызжущий дождь красными, зелеными, синими и желтыми сполохами. Электрические цвета наполняли темноту гипнотическим ритмом светящихся снов. Сигареты «Красная пагода», пиво «Пять звезд», программное обеспечение «Шицзы Цзитуань», банковская корпорация «Небесный город».

«Цзяцзю Конфуция» обещал удовольствие подогретого рисового вина, а «ЦинЛон фармасьютикал» гарантировал высокое качество жизни. И все это никак не относилось к Ван Цзюню.

Он сел на корточки, вжался в скользкий от дождя дверной проем – с вывернутой согнутой спиной, с пустыми карманами и еще более пустым животом, широко открытыми глазами высматривая цель, которая его сегодня накормит. Высоко над головой повисли светящиеся приманки, предназначенные тем, кто живет в небоскребах, людям с деньгами и документами в кармане. Он ничего этого не знал и не понимал. Закашлялся, сплюнул черную слизь из горла. Улицы – это он знал. Органическую гниль и отчаяние – понимал. И еще голод – ощущал его рокот в животе.

Жадными глазами он всматривался в проходящих мимо людей и взывал к ним на смеси мандаринского и диалекта Чэнду, вставляя единственные известные ему английские слова: «Дайте мне денег. Дайте мне денег». Он вцеплялся в зонты и желтые плащи. Поглаживал рукава и покрытую пудрой кожу, пока люди не сдавались и не давали ему деньги. Тем, кто вырывался, он плевал вслед. Тех сердитых, кто пытался его схватить, он тяпал острыми желтыми зубами.

Приезжих мало было в этой сырости. Конец октября разгонял их домой, в свои провинции, дома, страны. Впереди лежали тощие времена, настолько скверные, что он беспокоился за свое будущее и пересчитывал поданные ему мятые бумажки. Крепко держал легкие алюминиевые монеты *цзяо*, которые ему швыряли. У иностранцев всегда есть бумажные деньги, они часто их дают, но иностранцев в последнее время стало слишком мало.

Он оглядел улицу, поднял с земли мокрый кусок бетона. Говорили, что в Хуоцзяньчжу бетон для строительства не использовался. Интересно, каковы там на ощупь полы, стены? Он как-то смутно помнил свой дом до того, как попал в Чэнду, – глиняный, с земляным полом. Вряд ли сердце города сделано точно так же.

В желудке засосало еще сильнее. Наверху вертелся видеоролик Лу Сеянь, певицы из Гуандуна, увещевающей прохожих отвергнуть Три Ошибки Религии: догматизм, терроризм и фракционизм. Не обращая внимания на ее визгливые обвинения, он продолжал рассматривать толпу.

В потоке китайских лиц закачалось бледное. Иностранец, но какой-то непонятный. Не шагает вперед с определенной целью, не пялится на чудеса Чэнду. На чужой улице он выглядел как дома. Одет он был в черный плащ, спускавшийся до земли. Плащ блестел, отражая игру красного и синего неона и вспышки уличных ламп. Они завораживали.

Ван Цзюнь придвинулся ближе. Человек был высок, под два метра, глаза скрыты темными очками. Ван Цзюнь узнал очки и был уверен, что человек сквозь эти чернильные овалы видит ясно. В линзах спрятаны микроволокна, они крадут свет, усиливают его и выглаживают, и человек видит все как днем, хотя от других его глаза скрыты ночью.

Такие очки весьма дороги, и Гао Трехпалый их купил бы, если бы удалось их украсть. Вань Цзюнь смотрел человеку вслед, выжидая, пока тот пройдет мимо своим уверенным, наглым шагом, потом двинулся за ним, скрытно, крадучись. Когда человек свернул в переулок и исчез, Ван Цзюнь поспешил следом.

Заглянул в переулок. Дома обступили темный проход. Ощущалась вонь экскрементов, гнили, плесени. Вспомнилась тигриная лапа у тибетца – сухая, мертвая, содранные куски меха в тех местах, где покупатели выбрали себе куски мужественности. В темноте гулко стучали и плескались шаги иностранца – ровные шаги человека, видящего в темноте. Ван Цзюнь вошел следом, пригибаясь и нащупывая дорогу. Коснулся шероховатых стен. Быстрозастывающий бетон. Поглаживая темноту, он шел за затихающими шагами.

Каплющую тишину прервал шепот. Ван Цзюнь улыбнулся в темноте, узнав на слух торговый разговор. Иностранец покупает героин? Девочек? Столько всякого может купить иностранец. Он замер, прислушиваясь.

Шепот становился горячее и прервался коротким удивленным возгласом. Кто-то сдавленно вскрикнул, потом был шорох и всплеск. Ван Цзюнь ждал, дрожа, недвижный, как бетон, к которому прижался.

Эхом отдались слова языка его страны: «Каи ден ба». От знакомого акцента по коже побежали мурашки. Полыхнул свет, обжигая глаза. Когда зрение вернулось к Ван Цзюню, перед ним были темные глаза тибетского уличного торговца. Он медленно улыбнулся, показывая инкрустацию зубов, и Ван Цзюнь попятился, ища возможности сбежать.

Тибетец поймал его жестко и умело. Ван Цзюнь кусался и отбивался, но тибетец был быстр и прижал Ван Цзюня к мокрому бетону так, что ему стали видны лишь две пары ботинок: тибетца и его спутника. Он попытался вырваться, а потом повис тряпкой, поняв бесполезность сопротивления.

– Значит, ты боец, – сказал тибетец, подержав его еще секунду, чтобы урок был совершенно ясен. Потом вздернул Ван Цзюня в вертикальное положение. Рука больно впивалась в загривок. – *Ни ши шэй*?

Ван Цзюнь прохныкал, дрожа:

– Никто. Нищий. Никто.

Тибетец присмотрелся внимательней и улыбнулся.

– Мерзкий мальчишка с пустыми карманами. Все-таки захотел тигриную лапу?

– Ничего не хочу.

– Ничего и не получишь, – сказал спутник тибетца, и тибетец осклабился. По акценту Ван Цзюнь решил, что этот человек из Хунаня.

– Как тебя зовут? – спросил хунанец.

– Ван Цзюнь.

– «Цзюнь» – который?

Ван Цзюнь пожал плечами:

– Не знаю.

Хунанец покачал головой и улыбнулся:

– Деревенщина. Что выращивал? Капусту? Рис? Сычуаньцы все как один невежды. Надо бы знать, как твое имя пишется. Я считаю, что твое «Цзюнь» означает «солдат». Ты солдат?

Ван Цзюнь покачал головой.

– Я нищий.

– Солдат Ван, нищий? Нет, не пойдет. Просто солдат Ван. Вот теперь и скажи мне, Солдат Ван, что ты делаешь под дождем в этом опасном темном переулке?

Ван Цзюнь проглотил слюну.

– Хотел темные очки этого иностранца.

– Правда?

Ван Цзюнь кивнул.

Хунанец посмотрел внимательно в глаза Ван Цзюня, потом тоже кивнул, соглашаясь.

– Ладно, малыш Ван. Солдат Ван. Можешь их получить. Иди вон туда. Возьми их, если не боишься.

Хватка тибетца разжалась, выпуская Ван Цзюня.

Он посмотрел, увидел иностранца, лежащего в луже лицом вниз. Хунанец кивнул. Ван Цзюнь осторожно подобрался к неподвижному телу, встал над ним, наклонился и поднял голову этого человека за волосы. Лицо поднялось из лужи, с него капала вода. И дорогие очки – вот они. Ван Цзюнь стянул их с лица трупа и осторожно опустил его голову в ту же стоячую воду. Стряхнул капли с очков, и хунанец с тибетцем улыбнулись.

Хунанец поманил согнутым пальцем.

– А теперь, Солдат Ван, у меня есть для тебя задание. Очки будут твоей платой. Положи их в карман. Возьми вот это, – в руке появился синий датакуб, – и отнеси к мосту Жэньминь Лу через Бин Цзян. Отдашь человеку в белых перчатках. Он тоже кое-что даст тебе – чтобы твои карманы не пустовали. – Он заговорщицки наклонился, обхватив Ван Цзюня за шею, держа так, что прижались носы, и Ван Цзюня обдавало вонючим дыханием. – А не доставишь – мой друг тебя найдет и обеспечит твою смерть.

Тибетец улыбнулся.

Ван Цзюнь сглотнул слюну и кивнул, зажав куб в ладошке.

– Ну иди, Солдат Ван. Выполняй свой долг.

Хунанец выпустил шею Ван Цзюня, и тот бросился к освещенным улицам, зажимая в руке датакуб.

Двое смотрели ему вслед.

– Думаешь, он выживет? – спросил хунанец.

Тибетец пожал плечами:

– Остается надеяться, что Палден Льямо защитит его и направит.

– А если нет?

– Его нам послала сама судьба. Кто может знать, что судьба пошлет ему? Вероятно, никто не будет искать нищего мальчишку. Скорее всего мы оба будем живы и узнаем завтра.

– Или при следующем повороте колеса.

Тибетец кивнул.

– А если он прочтет данные?

Тибетец вздохнул и отвернулся:

– И это тоже судьба. Уходим, по нашему следу наверняка уже идут.

Бин Цзян текла под мостом масляным потоком, черная, вязкая. Ван Цзюнь взгромоздился на перила моста, на закопченный камень, изрезанный изображениями драконов и фениксов, резвящихся в облаках. Ван Цзюнь смотрел в воду и провожал глазами обрывки пенопластовых контейнеров, лениво плывущих по густой воде. Набрал слюны и сплюнул, стараясь попасть в картонную коробку. Промахнулся, слизистый комочек влился в речной поток. Мальчик снова посмотрел на кубик. Повертел в руках, как уже делал несколько раз до того, поджидая человека в белых перчатках. Куб был синий, очень гладкий, как и положено высокотехнологичному пластику. На ощупь напоминал пластиковый стульчик, которым Ван Цзюнь когда-то владел. Тот был ярко-красный, но такой же гладкий. На этом стульчике Ван Цзюнь сидел, выпрашивая милостыню, пока его не отобрал мальчишка посильнее.

Сейчас он вертел в руках кубик, поглаживая поверхность, задумчиво тыкая пальцем в черное гнездо передачи данных. Интересно, не ценнее ли он, чем те очки, что на нем сейчас. Слишком большие для такой маленькой головы, они то и дело съезжали с переносицы, но все равно он их не снимал, восхищенный новизной дневного зрения в темноте. Надвинув очки обратно на переносицу, он снова стал играть кубиком.

Высматривал человека в белых перчатках, но не видел, и вертел кубик в ладонях. Гадая, что же в нем прячется такое, если за него убили иностранца.

Человека в белых перчатках все не было.

Ван Цзюнь кашлянул и снова сплюнул. Если этот человек не придет еще десять больших кусков пенопласта, кубик надо будет оставить себе и продать.

Двадцать кусков пенопласта спустя человек в белых перчатках все еще не появился, а небо начало светлеть. Ван Цзюнь глядел на кубик и подумывал, не бросить ли его в воду. Ждал, а тем временем *нунмини* просачивались через мост со своими нагруженными тележками. Крестьяне из деревень ползли в город со своих мокрых полей, с налипшей между пальцами грязью, с мешками овощей на спинах. Наступал рассвет. Хуоцзяньчжу блестел, сиял, огромный и живой на фоне светлеющего неба. Ван Цзюнь кашлянул, снова сплюнул и спрыгнул с перил моста. Бросил кубик в рваный карман. Все равно тибетец его не найдет.

Сквозь городскую дымку пробивалось солнце, Чэнду поглощал тепло. Из воздуха выступала влага – резкая перемена температуры, последняя волна жары перед приходом зимы. Ван Цзюнь обливался потом. Трехпалого Гао он нашел в игровом зале. На самом деле у Гао было не три пальца, а десять, и он ловко управлялся ими с трехмерным солдатом, воюющим с повстанцами в высоких горах Тибета. Среди триад Чэнду его знали как человека, который заставил главного представителя «ТексТел» платить за защиту по десять тысяч юаней каждый месяц, пока его не вернули обратно в Сингапур. И заставил как раз-таки тремя пальцами.

Ван Цзюнь дернул Трехпалого за полу кожаного пиджака. Трехпалый отвлекся и погиб под атакой монаха с посохом.

– Чего тебе? – спросил он, недобро глядя на Ван Цзюня.

– Есть что продать.

– Я тебе говорил, мне твои приборчики не нужны такие. Без начинки в них толку нет.

– У меня другое.

– Что?

Ван Цзюнь протянул ему очки, и глаза ганкстера расширились.

– Где ты это взял?

– Нашел.

– Дай посмотреть.

Ван Цзюнь неохотно выпустил очки из рук. Трехпалый их надел, потом снял и бросил обратно Ван Цзюню.

– Дам тебе за них двадцатку.

И повернулся начать новую игру.

– Хочу сто.

– *Мэй мэ-эр*.

Сказано было на пекинском сленге – не пойдет.

Он начал игру. Солдат сидел на равнине, над ним поднимались снежные пики. Он бросился вперед, по низкой траве, к хижине, обтянутый кожей попавших сюда ранее китайских солдат.

– Не входи в хижину, – сказал Ван Цзюнь.

– Знаю.

– Согласен на пятьдесят.

Трехпалый фыркнул. Его солдат заметил приближающихся всадников и спрятался за хижину.

– Дам двадцать.

– Может, Две Фасолины больше даст, – сказал Ван Цзюнь.

– Даю тридцатку. Пойди проверь, даст ли тебе столько Две Фасолины.

Солдат подождал, пока всадники собьются в кучку, и пустил ракету им в середину. Игровой аппарат загремел взрывом.

– У тебя есть они?

Трехпалый отвернулся от игры, и солдат тут же погиб, потому что из хижины вырвался выведенный биоинженерным способом человек-як. Не обращая внимания на вопли солдата, Трехпалый отсчитал деньги. Ван Цзюнь оставил его играть дальше и отметил продажу, найдя тихий уголок моста через Бин Цзян и устроившись там подремать на изнуряющей дневной жаре.

Проснулся он вечером, голодный. Ощутил тяжесть монет в кармане и подумал о возможностях, открываемых богатством. Среди монет пальцы нащупали непривычные контуры датакуба. Он чуть не забыл, откуда взялись деньги. Держа кубик, он вспомнил тибетца, хунаньца и свое поручение. Подумал, что надо бы найти тибетца и вернуть ему куб, но в самой глубине души было сомнение, что он найдет сегодня продавца тигриных костей. А в животе урчало. Бросил кубик обратно в карман, поиграл монетами, лежащими там же. Сегодня у него есть деньги. И он хорошо поест.

– *Мапо дофу* сколько?

Повар глянул на него, помешивая суп в широком воке, слушая, как он булькает.

– Дорого, малыш Ван. Давай иди, попрошайничай в другом месте. Не беспокой мне клиентов.

– *Шушу*, у меня деньги есть. – Ван показал монеты. – И я голоден.

Повар засмеялся:

– *Сяо* Ван разбогател! Ладно, малыш Ван, скажи мне, чего бы ты хотел.

– *Мапо дофу*, свинину *юй сян*, два ляна риса и пиво «Ву Син», – последовал поспешный заказ.

– Ну и желудок у малыша Вана! Куда ты всю эту еду засунешь, хотел бы я знать? – Ван Цзюнь посмотрел сердито, и повар сказал: – Иди садись. Будет тебе твой пир.

Ван Цзюнь пошел и сел за низкий столик, глядя, как ревет огонь, а повар бросает стручки чили в вок. Пришлось вытереть рот, чтобы не пустить слюну на запах еды. Жена повара открыла для него «Пять звезд», и на его глазах налила пиво в мокрый стакан. Дневная жара спадала. По брезентовой крыше уличного ресторана застучал дождь. Ван Цзюнь пил пиво и смотрел на других клиентов, отмечая, какую еду они едят и в какой компании. Раньше он мог бы пристать к таким людям, выклянчивая денег, но не сегодня. Сегодня он король, богач, человек с деньгами в кармане.

Его мысли были прерваны приходом иностранца. Широкоплечий мужчина с длинными белыми волосами, убранными сзади в конский хвост. Кожа у него была бледная, на руках – белые перчатки. Он вошел под навес ресторана, огляделся синими глазами, рассматривая обедающих. Увидев скрюченную фигурку Ван Цзюня, улыбнулся, подошел, сел на табурет напротив и сказал на мандаринском, с акцентом.

– Ты – малыш Ван. У тебя для меня кое-что есть.

Ван Цзюнь уставился на этого человека, а потом, набравшись храбрости в присутствии и от внимания других китайцев, сказал:

– *Кэ нен*. – Может быть.

Иностранец нахмурился, потом наклонился через стол, но их прервала жена повара, поставив перед Ван Цзюнем мапо дофу и тут же – свинину. Пошла, зачерпнула дымящуюся чашку риса шире руки Ван Цзюня и поставила перед ним. Ван Цзюнь взял палочки и начал заталкивать еду в рот, разглядывая иностранца. Глаза слезились от остроты дофу, во рту покалывало знакомое онемение от молотых перечных зерен.

Жена повара спросила, будет ли иностранец есть с ним, и Ван Цзюнь глянул на него. Ощупал деньги в карманах. Рот горел пламенем. Ван Цзюнь оценил габариты иностранца и мрачно согласился, почти наяву ощущая, как испаряется его богатство. Они говорили на Чэнду хуа, городском диалекте, и иностранец не понимал сказанного. Жена повара зачерпнула другую плошку риса, поставила перед иностранцем, положила пару палочек. Иностранец взглянул на горку риса и снова на Ван Цзюня. Покачав головой, он сказал:

– У тебя кое-что для меня есть. Дай сюда.

Ван Цзюнь был уязвлен невниманием иностранца к предложенной еде. И сказал недовольным тоном:

– С чего это я должен тебе что-то отдать?

Бледный белый нахмурился, синие глаза стали холодными и злыми.

– Тебе разве тибетец не говорил передать мне кое-что?

Он протянул руку в белой перчатке.

Ван Цзюнь пожал плечами:

– Ты на мост не пришел. С чего я тебе сейчас буду отдавать?

– Он с тобой?

Ван Цзюнь насторожился:

– Нет.

– А где?

– Выбросил.

Человек протянул через столик руку, сгреб Ван Цзюня за рваный ворот. Подтащил поближе.

– Отдавай сейчас же. Ты просто ребенок, я могу его у тебя отобрать, если сам не отдашь. Тебе сегодня не победить, маленький Ван. Не надо меня испытывать.

Ван вытаращился на иностранца, увидел у него в нагрудном кармане серебристый блеск. Повинуясь порыву, он потянулся к этому блеску и вытащил, держа между собой и иностранцем. За соседними столами ахнули. У Ван Цзюня затряслась рука, разжалась без-

вольно, и отрезанный палец тибетца с бирюзовым кольцом черненого серебра выскользнул из руки и упал в свинину.

Иностранец безразлично улыбнулся отстраненной улыбкой.

– Дай сюда датакуб, пока я и у тебя сувенир на память не взял.

Ван кивнул и медленно полез в карман. Глаза иностранца следили за погружающейся в карман рукой.

Свободная рука Ван Цзюня отчаянно метнулась к столу, захватила горсть обжигающего дофу. Не успел иностранец среагировать, как Ван залепил в эти синие глаза целую горсть варева с чили и молотым перцем. Иностранец взвыл, а Ван Цзюнь запустил острые желтые зубы в держащую его бледную руку. Иностранец бросил Ван Цзюня, отчаянно протирая горящие глаза, а из укушенной руки текла кровь.

Обретший свободу Ван Цзюнь рванул в темноту, в переулки, которые лучше всего знал, оставив иностранца рычать и бесноваться.

Дождь пошел сильнее. В Чэнду возвращалась прохлада, жестче и холоднее прежнего. Холодом дышали бетон и дома, и дыхание Ван Цзюня застывало в воздухе туманом. Он забился в свою коробку с логотипом «Стоун-Эйликсин компьютерз». По картинке под логотипом он решил, что ее использовали для спутниковых телефонов. Скорчился внутри с теми немногими воспоминаниями, что остались у него от детства.

Он еще помнил свою деревню и расплывчато – дом из саманных кирпичей. Яснее помнились террасы холмов и как он бегал вдоль этих террас, играя в теплой летней грязи микросамолетом с вертикальным взлетом, пока родители трудились по щиколотку в коричневой воде и зеленых рисовых ростках, вылезающих из грязи. Потом он проходил мимо этих террас, пышных и несжатых, выбираясь из затихшей деревни.

В холодной тени быстросхватывающегося бетона небоскребов он погладил самолетик. Крылья, которые умели складываться и разворачиваться, отвалились и потерялись. Он перевернул игрушку, разглядывая литую стальную раму. Вытащил датакуб. Посмотрел на него. Взвесил в руках датакуб и самолетик. Вспомнил палец тибетца, отрезанный вместе с кольцом – серебряной змеей, и его передернуло. Белый человек с синими глазами будет его искать. Ван Цзюнь оглядел свою коробку. Положил микросамолет в карман, но ветхое одеяло оставил. Взял желтую *анчуан маози* – шляпу для безопасного передвижения на улице, какие носят дети по дороге в школу и обратно, – ее он украл у ребенка еще меньше себя. Натянул шерстяную желтую шляпу на уши, убрал датакуб в карман и ушел, не оглядываясь.

Трехпалого Ван Цзюнь нашел в баре, где тот мурлыкал караоке. С ним была пара женщин с гладкой кожей и тяжелыми пустыми глазами, одетых в красные шелковые *чипао* шанхайского стиля. Высокие строгие воротники, но разрезы на платьях почти до талии. Трехпалый сердито посмотрел на Ван Цзюня, идущего через тусклый туманный красный свет.

– Чего тебе?

– У тебя есть компьютер, который это читает?

Он показал датакуб.

Трехпалый уставился на куб, потянулся за ним.

– Где ты его взял?

Ван Цзюнь держал куб на отлете, но из рук не выпускал.

– Так, у одного человека.

– Там же, где очки?

– Может быть.

Трехпалый пригляделся.

– Это не стандартный датакуб. Видишь вот эти штыри? – Ван Цзюнь заглянул в разъем. – Тут их только три. Чтобы прочесть, нужен будет адаптер. И даже он может не помочь – зависит от того, для какой ОС эта штука сделана.

– Так что мне делать?

– Дай его мне.

– Нет.

Ван Цзюнь отступил на шаг.

Одна из женщин хихикнула, глядя на эту беседу между мини-боссом преступного мира и беспризорником, погладила Трехпалого по груди.

– Да брось ты этого *таофаньчжэ*. Лучше на нас обрати внимание.

И она снова хихикнула.

Ван Цзюнь злобно поглядел на проститутку, а Трехпалый оттолкнул ее.

– Пошла прочь.

Она подчеркнуто обиделась, но вышла вместе со своей товаркой.

Трехпалый протянул руку:

– Дай посмотреть. Я же не смогу тебе помочь, если ты мне эту *тамадэ* не покажешь.

Ван Цзюнь нахмурился, но передал ему датакуб. Трехпалый повертел его в руках, заглянул в разъем, потом кивнул.

– Это ОС ХуанЛон. – Он бросил кубик обратно. – Система с медицинской специализацией. Используется для мозговой хирургии и картирования ДНК. Очень специализированная вещь. Где ты это взял?

Ван Цзюнь пожал плечами:

– Дал один человек.

– *Фан пи*. – Чушь.

Ван Цзюнь молчал. Они смотрели друг на друга, потом Трехпалый сказал:

– *Син*, покупаю. Просто из любопытства. Пять юаней дам. Продашь?

Ван Цзюнь покачал головой.

– Ладно. Десять юаней, но это все.

Ван Цзюнь снова покачал головой.

Трехпалый Гао нахмурился.

– Вдруг разбогател?

– Не хочу продавать. Хочу знать, что на ней.

– Ну, значит, нас таких двое. – Они еще какое-то время смотрели друг на друга. – Ладно, я тебе помогу. Но если там что-то ценное, три четверти барыша мои.

– *И бань*.

Трехпалый закатил глаза:

– Ладно, половина.

– Куда мы идем?

Трехпалый быстро шагал через промозглый туман, ведя Ван Цзюня по переулкам все более коротким и узким. Характер зданий изменился от сверкающего современного стекла и металла до глиняных кирпичей под косыми черепичными крышами. Улицы стали мощеными, неровными, какие-то старухи смотрели из темных проемов дверей. Ван Цзюнь отвечал им такими же подозрительными взглядами. А старухи смотрели бесстрастно, будто замечая его и Трехпалого путь.

Трехпалый остановился, вытащил коробку «Красной пагоды». Одну вставил в рот.

– Куришь?

Ван Цзюнь взял предложенную палочку и наклонился к спичке, которую зажигал Трехпалый. Она полыхнула высоким желтым пламенем, которое тут же снизилось под напором влажного ветра. Ван Цзюнь затянулся сигаретой и выдул дым. Трехпалый закурил свою.

– Куда мы идем?

Трехпалый пожал плечами:

– Вот сюда.

Он дернул затылком назад, на стоящий там дом. Покурил еще минуту, потом бросил сигарету на мокрые булыжники и загасил черным ботинком.

– Гаси. Это для машин вредно.

Ван Цзюнь загасил окурок об стену. Он рассыпал красные искры и остался дымить на земле. Трехпалый толкнул деревянную дверь. Краска с нее облупилась давно, рама покоробилась, так что толкать пришлось сильно, и дверь громко заскрипела.

В полумраке помещения видны были десятки мониторов, на экранах светились заставки и данные. Столбцы символов и цифр мелькали, прокручивались, подключенные к удаленным информационным сетям. За мониторами молчаливо сидели люди, и тишину нарушал только стук клавиш, нажимаемых с неослабевающей скоростью.

Трехпалый подвел Ван Цзюня к одному из молчаливых техников и спросил:

– Хэ Дань, можешь это прочесть?

Он подтолкнул Ван Цзюня, и тот показал датакуб. Хэ Дань ловкими паучьими пальцами взял у него из руки куб и в полумраке поднес поближе к глазам. Пожал плечами и начал копаться в куче адаптеров. Выбрал один, подключил его к болтающемуся проводу, потом вставил адаптер в датакуб. Ввел какую-то команду на компьютере, рамки и рабочие поля замигали и сменили цвет. На экране появилась коробка, и Хэ Дань нажал в ответ одну клавишу.

– Где я?

Голос прозвучал так громко, что спикеры исказили звук и затрещали. Техники вздрогнули, когда этот голос разорвал тишину. Хэ Дань подрегулировал усиление. Голос прозвучал снова, тише.

– Эй? – В нем звучала нотка боязни. – Есть кто-нибудь?

– Да, – ответил Ван Цзюнь, не успев подумать.

– Где я?

Голос дрогнул.

– В компьютере, – ответил Ван Цзюнь.

Трехпалый отвесил ему подзатыльник:

– Тихо!

– Что? – спросил голос.

Все молча слушали.

– Тут кто-то сказал, что я в компьютере?

– Ты в компьютере, – ответил Ван Цзюнь. – А кто ты или что ты?

– Я в компьютере? – Голос недоумевал. – Мне делали операцию. Как я оказался в компьютере?

– Кто ты?

Ван Цзюнь не обращал внимания на пылающие глаза Трехпалого.

– Я Наед Дели, девятнадцатый далай-лама. А кто ты?

Стук клавиш разом прекратился. Все молчали. Едва слышно было завывание кулеров и высокочастотное гудение мониторов. Техники уставились на этих троих и на заговоривший компьютер. Где-то кто-то кашлянул, сплюнул. Компьютер говорил дальше, не обращая внимания на этот эффект.

– Алло? С кем я говорю?

– Я Ван Цзюнь.

– Здравствуйте. Почему я ничего не вижу?

– Ты в компьютере. У тебя глаз никаких нет.

– Но я слышу. Почему я слышу, но все равно не вижу?

В разговор вмешался Хе Дань:

– Видеовход не совместим с программным эмулятором, выполняющим вашу программу.

– Не понимаю.

– Вы – конструкт, искусственный интеллект. Ваше сознание – программное обеспечение, входная информация поступает через аппаратные средства. Они несовместимы с той системой, на которую мы вас установили.

Голос задрожал:

– Я не программное обеспечение, я далай-лама секты Желтой Шляпы. Девятнадцатый воплощенный. Воплотиться в виде программы не является моей судьбой. Вы, наверное, ошиблись.

– А ты правда далай-лама? – спросил Ван Цзюнь.

– Да, – ответил компьютер.

– А как… – начал Ван Цзюнь, но Трехпалый оттащил его прочь от системы, присел перед ним. Он держал Ван Цзюня за шиворот, и руки у него тряслись. Лица почти соприкасались.

– Где ты взял этот куб? – прошипел Трехпалый.

– Мне его дали, – пожал плечами Ван Цзюнь.

Рука Трехпалого мелькнула в воздухе и ударила Ван Цзюня по щеке. Он дернулся, лицо загорелось. Техники смотрели заинтересованно.

– Не ври мне! – прошипел Трехпалый. – Где ты это нашел?

Ван Цзюнь тронул лицо.

– От тибетца. Получил от тибетца, который продает тигриные кости, и еще одного человека из Хунаня. И еще там было тело, здоровенный такой иностранец. Это его очки я тебе продал.

Трехпалый задрал голову, уставился на потолок.

– Ты только мне не ври. Ты понимаешь, что это значит, если на кубике, который ты в кармане таскал, далай-лама? – Он встряхнул Ван Цзюня. – Понимаешь или нет?

Ван Цзюнь ответил, хныча:

– Я должен был отдать его человеку в белых перчатках, но он не пришел. А потом был другой человек, иностранец, и он убил тибетца и палец ему отрезал, и мне хотел тоже, а я убежал…

Голос его превратился в хнычущее бормотание.

Трехпалый стиснул ему шею так, что в ушах у Ван Цзюня зазвенело и глаза стало заволакивать чернотой.

– Ты мне тут не хнычь, я тебе не мама. Если ты мне еще хоть на вот сколечко жизнь осложнишь, я тебе язык вырву. Понял?

Ван Цзюнь кивнул под взглядом немигающих глаз.

Трехпалый отпустил его и сказал:

– Ну и хорошо. Пошли продолжим беседу с компьютером.

Ван Цзюнь глубоко вздохнул и шагнул назад к далай-ламе.

– Как ты попал внутрь компьютера? – спросил он.

– Откуда ты знаешь, что я в компьютере?

– А потому что мы твой датакуб воткнули в компьютер, и ты начал говорить.

Компьютер молчал.

– А как оно там? – поинтересовался Ван Цзюнь.

– Жуть и тишина. – Короткая пауза. – Мне должны были сделать операцию, и вот я тут.

– Тебе сны снились?

– Не помню снов.

– А зачем ты поднял бунт против моей родины?

– Ты говоришь по-китайски. Ты из Китая?

– Да. Зачем ты заставляешь людей драться в Тибете?

– Где находится этот компьютер?

– Чэнду.

– Ох ты. Далеко от Бомбея, – прошептал компьютер.

– Ты приехал из Бомбея?

– Мне в Бомбее делали операцию.

– Тебе там, внутри, одиноко?

– Я ничего не помню до этой минуты. Но тут очень тихо. Смертельная тишина. Я слышу тебя, но ничего не чувствую. Здесь ничего нет, мне страшно, что меня здесь тоже нет. Это сводит с ума. Не осталось никаких чувств. Заберите меня из этого компьютера. Помогите. Верните в мое тело.

Голос компьютера в спикерах дрожал, он умолял.

– Его можно продать, – коротко бросил Трехпалый.

Ван Цзюнь уставился на него:

– Его нельзя продать.

– Кому-то ведь он нужен, раз за тобой гнались. Его можно продать.

– Меня нельзя продавать, – возразил компьютер. – Мне надо вернуться в Бомбей. Операция не может закончиться, если меня там нет. Я должен вернуться. Вы должны вернуть меня.

Ван Цзюнь согласно кивнул, Трехпалый ухмыльнулся.

– Его надо отключить, – сказал Хэ Дань. – Без внешних раздражителей он сойдет с ума раньше, чем вы решите, что с ним делать.

– Постойте, – попросил далай-лама. – Пожалуйста, не отключайте меня. Мне страшно, мне очень страшно снова исчезать.

– Отключай, – велел Трехпалый.

– Постойте! – воскликнул компьютер. – Выслушайте меня. Если мое тело умрет, вам нужно уничтожить компьютер, в котором вы меня держите. А иначе очень страшно, что я не перевоплощусь. Даже Палден Льямо не сможет найти мою душу. Она сильна, но хотя и летает она над океаном крови верхом на содранной коже сына-предателя, меня может не найти. Моя душа будет заперта здесь, сохранена противоестественным способом, хотя тело и распадется. Обещайте мне, умоляю вас. Не оставляйте меня…

Хэ Дань отключил компьютер. Трехпалый посмотрел на него, приподняв брови. Хэ Дань пожал плечами:

– Может, он и есть далай-лама. Раз за этим мелким пройдохой кто-то охотится, то имеет смысл верить кубику. Выгрузить матрицу идентичности, пока он на операционном столе, довольно просто.

– Кто стал бы это делать?

Хэ Дань снова пожал плечами:

– Он в центре стольких политических конфликтов, что точно сказать невозможно. В датакубе он вполне удобный заложник. Тибетские экстремисты, американцы, мы. ЕС, может быть. В таком заложнике любой заинтересован.

– Если я решу продать, – сказал Трехпалый, – мне надо будет знать, кто его туда посадил.

Хэ Дань кивнул, и тут входная дверь с грохотом влетела внутрь. Полетели щепки, лучи солнца осветили полумрак зала. За ними ворвались пронзительные завывания двигателей самолетов с вертикальным взлетом, яркие копья света продырявили пространство, и сразу за ними прозвучал быстрый топот тяжелых сапог. Ван Цзюнь инстинктивно пригнулся, и тут что-то будто высосало из комнаты весь воздух, мониторы взорвались, посыпая стеклом техников и Ван Цзюня. Отовсюду неслись людские крики, запахло дымом. Ван Цзюнь встал, вытащил датакуб из адаптера и закатился под стол за секунду до того, как очередь вспорола над ним стену.

Трехпалый попытался нащупать что-то на поясе, но застыл, и на груди у него выступили красные цветы. Другие техники падали, все как один с красными потеками на рубахах. Ван Цзюнь забился глубже под стол, и тут в дверь ввалились фигуры в броне. Датакуб он положил в рот, думая, что успеет его проглотить до того, как его найдут. Прозвучала еще серия взрывов, и вдруг соседняя стена исчезла в какофонии кирпичей и щебня. Воздух наполнился криками. Ван Цзюнь залез на рухнувшую стену, пригибаясь пониже и убегая, стал просто тенью ребенка. Никому не нужная посторонняя тень под дождем, исполосованном лучами фонарей в руках оставшихся позади солдат.

Он скорчился в тени входной двери, вертя в руках датакуб, поглаживая синие пластиковые поверхности с благоговейной завороженностью. Сквозь холодный туман капал дождь, в носу хлюпало от скопившейся влаги. Ван Цзюнь дрожал. Кубик был холодным. Интересно, чувствует ли что-нибудь там, внутри, далай-лама. По тротуару проходили люди, не обращая внимания на маленькую тень в дверях. Они вырастали из тумана, становились четкими и различимыми в свете уличных фонарей и уходили, растворяясь в том же тумане.

Самолеты взлетели вдали, их блуждающие фары вырвали из темноты их же контуры. Ван Цзюнь смотрел, как опускаются и фиксируются у них крылья над мокрыми черепичными крышами, как самолеты с нарастающим свистом набирают высоту и скорость и исчезают над крышами. Понимая, что поступает не слишком разумно, он все же вернулся и вместе с местными жителями стал рыться в развалинах. Они тщательно, согнувшись, ощупывали мусор, переворачивали кирпичи, разбитые экраны мониторов. Обшаривали карманы у трупов. Трехпалого не было видно – вряд ли он остался в живых. Хе Даня он нашел, вернее, его части.

Он снова повертел в руках кубик.

– Где ты это взял?

Он вздрогнул, дернулся, попытался бежать, но чья-то рука крепко держала его, не давая вывернуться. Рука в белой перчатке принадлежала китаянке. Ван Цзюнь уставился на эту руку.

– У тебя что-то есть для меня? – спросила китаянка.

На мандаринском она говорила без акцента, правильно, идеально, будто только что приехала из самого Пекина.

– Не знаю.

– Это твое?

– Нет.

– Ты должен был передать это мне?

– Не знаю.

– Я разминулась с тобой на мосту.

– А почему не пришла?

– Пришлось задержаться, – ответила она, и глаза у нее стали мрачными.

Ван Цзюнь протянул ей руку с кубиком.

– Только с ним надо осторожно. Там далай-лама сидит.

– Я знаю. Я разыскивала тебя, боялась уже, что не найду. Пойдем. – Она поманила рукой. – Ты замерз. Тебя ждет постель и еда.

Она снова позвала его, и он пошел за ней, в двери, под дождь.

Она повела его по мокрым улицам. У него перед глазами мелькали самолеты с вертикальным взлетом, взрывающиеся мониторы и расплывающаяся красная смерть Трехпалого, поэтому Ван уделял повышенное внимание перекресткам и то и дело оглядывался, шагая по старым улицам Чэнду.

Женщина крепко держала его за руку и вела уверенно и целенаправленно, так что сколько бы ни было на пути извивов и поворотов, они все время приближались к органическому скелету городского ядра. Оно возвышалось над ними и светилось, подавляя своими размерами. Строительные рабочие раскачивались на тросах, как паучки на паутинке, кишели, как муравьи, медленно строящие себе гнездо.

Женщина и Ван Цзюнь уже были под костями сооружения, шли влажными органическими путями растущего создания. Пахло компостом и смертью. Чем дальше они продвигались в глубь архитектурного зверя, тем теплее и сырее становился воздух. Светящиеся чипы в запястьях женщины дали им возможность пройти через барьеры сооружения к лифту – клетке, которая ползла вверх по внутренностям Хуоцзяньчжу, скользя по гладким органическим рельсам. Сквозь прутья клетки Ван Цзюнь видел законченные, светлые и обитаемые уровни, стены, напоминающие полированную сталь, флуоресцентные лампы, горящие в рамах. Видел уровни, где существовала лишь сегментная опорная структура гиганта. Монстр костями наружу, что-то мокрое и скользкое в биологических жидкостях. Кости покрывала твердеющая силиконовая слизь, она натекала слоями и затвердевала, образуя стены. Хуоцзяньчжу рос, а где ему расти, определяли биотехники и строители, направляя этот живой поток в русло тщательно продуманных планов.

Красивая женщина и Ван Цзюнь поднимались все выше.

Этот уровень был почти законченным. Шаги женщины эхом отдавались в коридоре. Она подошла к двери, приложила к ней ладонь, и кожа двери чуть шевельнулась под прикосновением, так что Ван Цзюнь не понял, то ли дверь приплавилась к руке, то ли приласкала ее.

Дверь распахнулась, и Ван Цзюнь увидел роскошь высоты, о которой всегда мечтал.

Ван Цзюнь проснулся в незнакомой комнате, на кровати такой мягкости, что даже спина болела, и таких пушистых подушках, что страшно было, как бы ему не задохнуться. Слышались голоса.

– Попрошайка. Никто, – говорила женщина.

– Так сотри ему память и выстави.

– Он нам помог.

– Оставь ему в кармане денег.

Голоса стали далекими, и Ван Цзюнь, решивший было встать, снова заснул.

Он погрузился в обволакивающую обивку кресла, такого глубокого, что ноги не касались полированного великолепия настоящего деревянного пола. Ван Цзюнь уже отдохнул и наконец выбрался из чрева опутавших его простыней и подушек. С окружающих белых гладких стен свисали повешенные по фэн-шую картины, в стенных нишах стояли затейливо разукрашенные вазы китайских династий, давно прошедших и позабытых. С кухней он уже ознакомился, наблюдая за дамой, которая выглядела как китаянка, но не была ею, потому что приготовила для Ван Цзюня гору еды на конфорках, горевших как солнца, а чай сделала с использованием воды, которая обжигала, выходя из крана. В других комнатах включался свет, когда Ван Цзюнь входил, и выключался, когда он выходил, и всюду были ковры, мягкие просторы светлой ткани, нежащие ступни приятным теплом. Сейчас он сидел в обволакива-

ющем кресле и смотрел темными глазами, как дама и ее собеседник-иностранец ходят перед ним. У них за спиной стоял на полке далай-лама в кубике, маленький и синий.

– *Силе*?

Ван Цзюнь дернулся на звук ее голоса и почувствовал, как забилось сердце. За окнами висел густой туман Чэнду, блеклый, сырой. Дождь прекратился. Ван Цзюнь выбрался из кресла и подошел выглянуть в окно. Огней города видно не было – туман скрал все. Женщина смотрела на Вана, а ее собеседник сказал:

– Да, не то китайцы, не то европейцы проделали ему в голове кучу дыр. Сейчас они просто досадуют, что его упустили.

– Что делать нам?

– Я жду указаний из посольства. Тибетцы хотят, чтобы мы его уничтожили. Всё скулят, что душа его не возродится, если мы этого не сделаем.

Она засмеялась:

– А почему бы не записать его в новое тело?

– Не кощунствуй.

– Так как они это себе представляют? Фанатики – они такие…

– Неинтерпретируемые, – подсказал он.

– Так что, вся работа насмарку?

– От него бестелесного мало толку. Если записать его в новое тело, тибетцы его не узнают, а на китайцев тоже не надавить, если за ним никто не идет.

Она вздохнула:

– Жаль, что нам пришлось работать с ними. Лучше бы этого не было.

– Без тибетцев мы бы даже не знали, что надо искать мальчишку.

– Ну а сейчас они угрожают, что если мы его не отдадим, с нас Пали Лама шкуру сдерет или что-то в этом роде.

– Палден Льямо, – поправил мужчина.

– Что?

– Палден Льямо, – повторил он. – Тибетская богиня. Считается покровительницей Тибета и нашего оцифрованного друга. – Он мотнул головой в сторону кубика на полке. – Ее изображают скачущей на муле по морям крови, а вместо попоны под ней содранная кожа ее сына.

– Какая милая у них культура.

– Видела бы ты эти картины! Красные волосы, ожерелье из черепов…

– Не стоит продолжать.

– Можно мне открыть окно? – спросил Ван Цзюнь.

Женщина обернулась к мужчине. Тот пожал плечами.

– *Суйбянь*, – ответила она.

Ван Цзюнь открыл задвижки и отодвинул широкое окно. В комнату ворвался прохладный ветер. Ван Цзюнь всмотрелся в оранжевое зарево тумана, высунувшись далеко в окно. Погладил губчатый органический экзоскелет здания, упругие соты отверстий. Внизу неясно виднелись силуэты рабочих, ползающих по поверхности гиганта. За спиной его продолжался разговор.

– Так что будем делать?

Он показал на датакуб:

– Мы всегда можем воткнуть его преосвященство в компьютер и спросить совета.

Ван Цзюнь насторожил уши. Ему хотелось снова услышать человека из компьютера.

– Китайцев не может заинтересовать сделка, даже если тело уже не существует?

– Может быть. Они бы стали держать кубик в ящике стола, как безделушку-пылесборник. Если далай-лама не перевоплотится, их вполне это устраивает. Одной головной болью меньше.

– Может, мы все же его сможем на что-нибудь выменять?

– Боюсь, его ценность невелика. Если даже он перевоплотится, что нам с того? Пока это начнет сказываться, еще двадцать лет пройдет. – Он вздохнул. – Торговые переговоры начинаются завтра. Похоже, что операция с треском провалилась. Уже поговаривают о том, чтобы выкинуть нас до начала переговоров. Ну, он хотя бы ЕС не достался.

– Что ж, я буду рада вернуться в Калифорнию.

– Ага.

Ван Цзюнь отвернулся от окна и спросил:

– Вы его убьете?

Они переглянулись. Мужчина отвернулся, что-то буркнув. Ван Цзюнь не стал отвечать на грубость этого человека, а сказал: – Я есть хочу.

– Он опять хочет есть, – пробормотал мужчина.

– У нас сейчас только полуфабрикаты, – сказала женщина.

– *Син*, – ответил Ван Цзюнь.

Женщина пошла на кухню, а Ван Цзюнь не сводил глаз с темно-синего кубика на полке.

– Холодно, – сказал мужчина. – Окно закрой.

Ван Цзюнь вдохнул аромат еды, готовящейся в кухне. В животе заурчало, но он пошел к окну.

– Ладно.

*** * ***

Туман прилипал к телу, пока сам Ван Цзюнь прилипал к надстройкам биологического города. Пальцы вцеплялись в губчатую сотовую кожу, далеко внизу слышался знакомый шум Чэнду, но через густой туман города не было видно. Послышались ругательства – Ван Цзюнь посмотрел вверх. Свет обрисовывал контуры красивой женщины – похожей на китаянку, но не китаянки – и мужчины, всматривающихся в темноту из окна роскошных апартаментов.

Ван Цзюнь сильнее вдвинул кулак в сотовую стенку и помахал им свободной рукой, а потом полез дальше, вниз, с уверенной легкостью обезьяны. Снова посмотрел вверх – мужчина вылез из окна, женщина втащила его обратно.

Он продолжал спускаться, скользить глубже в туман, навстречу безопасности далекой-далекой мостовой. Встретил группу строителей и биороботов, трудящихся в ночную смену. Они все висели на ниточках, и лишь он один рисковал спускаться по шкуре этого создания без страховки. Мрачные взгляды скользнули по нему, но никто не остановил. Какое им дело, если Ван сорвется и рухнет на бесконечно далекие булыжники?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.